Илья Одегов

Крылатая невеста Махди

Повесть

— Давай-давай-давай!

— На раз-два-три. Раз-два-три. Опа!.. Еще разок. Опа!

— Да ты газуй! Ты чё не газуешь?

— Камень убери-ка. Вон под колесом.

— Еще раз, давайте!

— Алға!!![1]

Автобус кряхтел, рычал, но заводиться не хотел.

— Перекур! — крикнул водитель Алтай, выползая из кабины, как насекомое,— медленно, цепляясь длинными руками и ногами за дверной проем.

Все попáдали на обочину, некоторые закурили.

— Никогда раньше автобус не толкал,— тяжело дыша, сказал Игорь. Мокрая от пота рубашка быстро остыла и теперь неприятно холодила кожу.

— Это еще ничего! — захохотал седой Еркебулан, отчего дым у него пошел носом, как у дракона.— Вот я как-то по молодости в России электропоезд толкал. Да, реально поезд. Не, не один, конечно. Все толкали. Там обрыв линии был, а мы домой хотели. Вот и толкали, пока электричество не появилось.

— Главное, засветло успеть,— сказал Алтай, потягиваясь.— А то мне рано утром обратно ехать.

— Ничё, щас покурим, поссым и так толкнем, что не поедешь — взлетишь! — засмеялся Валера, блеснув золотыми зубами, и бросил окурок в песок.

— Нам далеко еще? — спросил Игорь.

— Километров двадцать, не больше,— отозвался Алтай.

— Далеко,— вздохнул Игорь.

Начало смеркаться, когда автобус наконец завелся. Игорь думал, что через полчаса они уже наверняка доберутся до места, но ошибся. Дорога стала совсем плохой, ухабистой. Собственно, и дорогой это можно было назвать с трудом. Ехали еле-еле, подпрыгивая на кочках, проваливаясь в ямы.

— Алтай, рули аккуратней! — крикнул Валера.— Я уже всю задницу отбил.

Одегов Илья Андреевич — прозаик, переводчик, композитор. Родился в 1981 году в Новосибирске, вырос в Алма-Ате. Автор книг «Звук, с которым встаёт Солнце» (2003, Алма-Ата), «Без двух один» (2006, Алма-Ата), «Любая любовь» (2013, Москва), «Тимур и его лето» (2014, Москва). Преподаватель писательского мастерства. Лауреат литературных премий «Современный Казахстан» (2003), «Poetry ON» (Великобритания, 2003), «Русской премии» (2013) и др. Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 1.

[1] Вперёд! *(каз.).*

— Не нравится, иди пешком,— огрызнулся Алтай, не оборачиваясь.

Игорь подсел к Еркебулану.

— Что, всегда автобус такой пустой?

— Сегодня же понедельник,— сказал Еркебулан.— В выходные здесь люди стоя ездят. Места себе не найдешь.

— Почему?

— Так базар ведь. Одни торговать в город едут, другие, наоборот, за покупками.

Из-за горизонта медленно выползала любопытная желтая луна. Валера растянулся на заднем сиденье и вовсю храпел. Алтай включил радио, очень тихо, так, что слов было не разобрать, и от этого бормотания в сон клонило еще сильнее. Игорь поболтал с Еркебуланом, а потом снова пересел. Пытался всматриваться в окно, но видел только себя. Автобус урчал и раскачивался, урчал и раскачивался, и Игорю казалось, что его проглотило какое-то чудовище и теперь несет неведомо куда в своем животе. Но это было не страшно, а почему-то даже приятно. Хотелось свернуться клубочком, провалиться в полудрему и никогда из этого живота не выбираться. И Игорь закрыл глаза.

— Эй, Игорёк, приехали! — Еркебулан тряс его за плечо.— Ояншы![1]

Игорь с трудом разлепил глаза, оглянулся, вспоминая, где это он.

— Который час?

— Ночь уже, одиннадцать-двенадцать, не знаю,— сказал Еркебулан.— Давай, выдвигаться надо.

Алтай махнул им на прощанье рукой.

— А где Валера? — спросил Игорь.

— Уже дома, наверное,— улыбнулся Еркебулан.— Я тебя долго разбудить не мог. У нас аул маленький, еще увидишься с ним.

Они шли по широкой грунтовой дороге, заросшей по краям высокой травой. Вдоль дороги тянулись деревянные заборы, а за ними стояли широкие одноэтажные домики с покатыми крышами.

— Я думал, что здесь юрты будут,— удивился Игорь.

— А вместо машин — верблюды,— Еркебулан хлопнул Игоря по плечу.— Поворачивай, пришли уже. Вон он, мой дом.

Повозившись с замком, Еркебулан открыл калитку и зашел первым. Гулко взвыла собака, громыхнув цепью.

— Тише, Актос! — шикнул Еркебулан.— Всё, болды, болды[2].

Скрипнула дверь, на порог дома вышла женщина, укутанная в шаль.

— Ерке, это ты? — настороженно спросила она.

— Я,— отозвался Еркебулан, подходя ближе.— У нас гость, Бану. Приятель Аскарика из города.

— Здравствуйте,— сказал Игорь.— Я — Игорь. Извините, что так поздно.

— Ой, Ерке, раньше не мог сказать? — запричитала Бану.— Как мне сейчас гостя встречать? Стол не накрыт, кровать не постелена. Игорь, вы проходите в дом. Я сейчас все покажу.

В доме пахло глиной и молоком. Бану провела их в кухню, включила свет — тусклую лампочку над холодильником — и принялась доставать еду: сыр, вареное мясо, казы, курт, конфеты...

— Эй-эй-эй,— остановил ее Еркебулан.— Нам же спать еще нужно. Ну куда на ночь наедаться?

— А что ж ты гостя голодным спать положишь? Лучше чайник поставь, чай пить будем.

Игорю было неловко. Он поел совсем немного, сославшись на усталость.

— Чаю хотя бы попейте,— уговаривала Бану.— Давайте я вам горячего подолью.

---

[1] Вперёд! *(каз.)*.

[2] Вставай, просыпайся (каз.) Вставай, просыпайся *(каз.)*.

— Много не пей,— хитро прищурившись, шепнул ему Еркебулан,— а то потом всю ночь на толчок бегать будешь. А толчок у нас далеко.

После ужина Еркебулан показал ему туалет, тот был хоть и в доме, но в отдельной пристройке — действительно далеко, а потом отвел в комнату, где Бану уже постелила на пол плотные стеганые одеяла, укутанные в цветастую простыню.

— Если корпешки еще понадобятся, сам бери,— сказал Еркебулан и показал на стопку таких же одеял в углу.— Утром тебя разбужу, отведу куда надо.

Игорь лег и только теперь почувствовал, насколько устал. Дом шуршал и поскрипывал, за окном звали друг друга ночные птицы, стрекотали сверчки. В этой шумной тишине Игорь постепенно растворился.

* * *

Проснулся он оттого, что страшно хотел писать. Плотнее укутался в одеяло, попробовал снова уснуть, но понял — деваться некуда. Проклиная себя за то, что не послушался Еркебулана и напился на ночь чая, Игорь встал, натянул брюки и поплелся в туалет. Все тело болело, а в носоглотке скопилась какая-то хлюпающая дрянь. Добравшись до туалета, Игорь помочился, а потом долго кашлял, сморкался и плевался, пока не проснулся окончательно. Наконец, выключив воду, он вышел. Поежился. Дом за ночь остыл. Из темного угла вылезла заспанная серая кошка, потянулась, зевнула и подошла к Игорю. Подняла хвост, ткнулась носом ему в лодыжку и вопросительно мяукнула. Игорь наклонился погладить ее, но кошка отпрянула.

Светало быстро. Игорь вернулся в комнату, оделся полностью, но не согрелся. Подумав, он закутался в одеяло и сел на стопку корпешек.

— А, проснулся! — заглянул Еркебулан.— Молодец. Пошли, завтракать будем. Бану уже стол накрывает.

Стол был уставлен тарелками с закусками. На плите стоял большой казан. Бану шумовкой вылавливала из него крупные поджаристые баурсаки.

— Доброе утро,— поздоровался Игорь.

— Доброе, доброе,— ответила Бану.— Давайте садитесь. Сейчас чай будет.

Еркебулан подошел к жене сзади, приобнял ее и громко чмокнул в щеку.

— Э, Ерке, қойшы[1]! — оттолкнула его локтем Бану.— Иди, детей разбуди.

— Да встали они,— зевнул Еркебулан, присаживаясь за стол рядом с Игорем.— Умоются и придут.

— У вас красивый дом,— сказал Игорь. Он чувствовал себя не совсем в своей тарелке.

— Нормальный дом. Как у всех.

Игорь не знал, что еще сказать.

— Ты чего такой бледный сегодня? — спросил Еркебулан.— Не заболел?

— Не,— помотал головой Игорь.

— Сейчас чаем горячим напоим, и все пройдет,— сказала Бану, продолжая возиться у плиты.— Ерке, где дети?

Игорь через открытую дверь увидел, как по коридору крадутся один за другим двое пацанов — тощих, лысых, с улыбками до ушей. Тот, что шел впереди, поймал взгляд Игоря и прижал палец к губам. Игорь слегка кивнул.

— Да придут сейчас, куда они денутся,— буркнул Еркебулан.

В этот момент пацаны заверещали и одним прыжком запрыгнули на спину отца. Еркебулан чуть не упал со стула, но захохотал, вскочил и принялся бегать по коридору. Пацаны держались крепко и визжали от удовольствия.

— Всё, обезьяны, слазьте! — стряхнул их с себя Еркебулан, возвращаясь к столу.— Конь устал.

---

[1] Перестань *(каз.)*.

— Еще! Еще! — вопили пацаны.

— Эй, хулиганы, оставьте папу,— с притворной строгостью сказала Бану.— Он нам еще пригодится. Руки мойте — и за стол.

— Мы уже мыли! — возмутился старший.

— Таир, а кто тебе сказал, что папа у нас чистый? Сам помой и Айдарику помоги. Давайте-ка, живо. И без разговоров.

Пацаны убежали и скоро вернулись, демонстративно выставив перед собой мокрые ладошки.

— Вижу-вижу,— кивнула Бану, разливая чай.

Все затихли, потому что баурсаки оказались волшебными. Оторваться невозможно. Игорь ел и думал, что, наверное, все дело в воздухе. Баурсак ведь внутри пустой, наполненный воздухом. А местный воздух и сравнивать нельзя с копотью и дымом города.

— Просто объеденье,— похвалил Игорь.

После завтрака Игорь вышел во двор, а Еркебулан задержался, чтобы помочь Бану убрать со стола. Дул легкий ветер, покачивая тенями ветвей, и Игорь плотнее запахнул куртку. Наконец появился Еркебулан и сразу закурил. Только что шутил с женой, играл с сыновьями, а тут засмурнел, нахмурился.

— Все в порядке? — спросил Игорь.

— Да какой там,— махнул рукой Еркебулан.— Эх... Ладно. Пошли уже.

От каждого шага с дороги приподнималось облачко пыли. Сейчас, при свете солнца, стало видно, что дома, мимо которых они проходили вчера ночью, почти все заброшены. Ворота заросли бурьяном. Вместо окон тут и там зияли черные провалы.

— Разъехались соседи,— сказал Еркебулан.— И правильно. Чего здесь делать? В городе и работа, и школы для детей, университеты. А здесь... Половины аула уже нет. Ты еще хоть дома эти видишь, а приедешь сюда года через два-три,— и их не останется.

— Сносить собираются?

— Сносить? Ну, можно и так сказать. Разберут их по кирпичику. Окна, видишь, уже выломали. С брошенных домов всегда сначала снимают окна и двери. Они дорогие, а снимаются легко. Потом оставшуюся мебель вынесут, пол разберут. А когда ничего не останется, начнут крышу и стены ломать. Дармовое ведь все, чё б не взять.

— Ну, не все же уезжают. Многие, наверное, остаются.

— Остаются. Вот Валера с семьей остался. Мулла наш, Кудайберген, остался. Имангалиевы, у которых пацаненок твой, они тоже остались. Семей сорок всего, не больше. В основном старики, которые ехать никуда не хотят со своей земли.

Я, знаешь, почему вернулся? Из-за родителей. Сам-то я всю жизнь на стройке провел, в разных городах работал. Потом отец заболел, а мать даже позвонить мне не могла. Здесь ведь телефонов нет.

— Как нет? — удивился Игорь.

— Вот так. Сейчас кое у кого из ребят мобильные появились, так все равно связи нет. Мы тут словно на краю земли. Водопровода нет. Газа нет. До ближайшей почты пятнадцать километров. До больницы еще дальше. Всё обещают что-то сделать, много лет уже обещают, а толку? Как у нас говорят, вся щедрость бая — на языке. Одетый в шубу не замечает того, кто от холода трясется. Раньше мы еще старались что-то сами сделать, своими силами, а потом многим стало ясно, что уехать проще, чем здесь что-то изменить. Кто-то уехал, кто-то все еще собирается уезжать, а некоторые просто забухали.

Еркебулан сплюнул и достал сигарету:

— Ну да ладно, я ж не об этом вообще. Короче, о том, что отец мой умер, я узнал только после похорон. Приехал к матери и остался помогать. Потом Бану встретил и решил осесть. У отца небольшое стадо было. Дом я уже сам достраивал.

Мать хоронил. Ну а дальше как жить, не знаю. Ребятишек вот растим. Живем, как можем. Всё, почти пришли.

Они отступили, чтобы пропустить вывернувший из-за поворота трактор. Загорелый парень махнул им из кабины рукой.

— Ассалам уалейкум, Еркебулан-аға[1]!

— Уалейкум ассалам, Нуржан,— крикнул в ответ Еркебулан.— Гостя к вам веду. Дядька твой дома?

— Дома! Куда он денется,— засмеялся парень, с интересом разглядывая Игоря.— Ладно, давайте, аға. Я скоро вернусь.

В калитку вошли без стука. Мохнатая дворняга лежала у конуры и даже подниматься не стала навстречу, только чуть вильнула хвостом. У входной двери на облезлом стуле спал толстый бородатый старик в шортах и расстегнутой рубашке, подставив блестящее коричневое пузо солнцу.

— Эй, Дулат! — крикнул Еркебулан.— К тебе гость пришел. Журналист из города.

Старик приоткрыл один глаз и так глянул на Игоря, словно рентгеном просветил.

— Этот, что ли? — хрипло прокашлял он.— Қазақша сөйледы ма?[2]

Игорь понял, что должен что-то сказать.

— Жаман, то есть, эээ, жаксы сойлемеймын,— запинаясь, произнес он,— Бырак кишкене тусындым[3].

— Жарайды, годится,— кивнул Дулат и, закрыв глаз, открыл другой.

— В дом нас не пригласишь? — нетерпеливо спросил Еркебулан.

— Проходите, если хотите,— каркнул Дулат, не меняя позы.— Мне и здесь хорошо. Э, Ерке, сигаретой только угости.

— Дулат, тебе ж нельзя!

— Старикам всё можно.

— Да какой ты старик? Мы ж почти ровесники.

— Значит ты тоже старик,— проворчал Дулат.— Сигарету, говорю, дай.

— Ладно, держи,— неохотно протянул пачку Еркебулан.

— О, рахмет. Только Розе не говори. Понял?

Дулат затянулся и сразу же шумно надолго закашлялся.

— Он сегодня не в духе,— шепнул Еркебулан Игорю.— Ты особо внимания не обращай. Зайдем?

— Неудобно как-то,— сказал Игорь.— Может, позже заглянем?

— Чё вы там шепчетесь, как девочки? — прохрипел Дулат.— Қатты сөйлеші![4]

— Дулат, а когда Роза вернется? — спросил Еркебулан.

— Да она к этой алжасқан[5] пошла, как ее? Рыжая. Знаешь? Чё они там делают, білмеймін[6].

— Махмудик с ней ушел?

— И Махмудик, и Дина. Не мне же за ними следить. У меня другие дела есть.

— Ладно, Дулат, мы пока прогуляемся.

— Ага, давай.

Они вышли на дорогу. Солнце пекло уже нещадно, порывами налетал ветер, поднимая мелкую пыль.

---

[1] Дядя, старший брат *(каз.)*.

[2] По-казахски говорит ли? *(каз.)*.

[3] Плохо... то есть, хорошо не говорю. Но немножко понимаю *(каз. неправильный)*.

[4] Громко говори! *(каз.)*.

[5] Заблудшая, выжившая из ума *(каз.)*.

[6] Не знаю *(каз.)*.

— Подожди,— сказал Игорь и схватился за плечо Еркебулана.— Голова закружилась. Сейчас пройдет.

— Ты чё-то совсем серый стал,— сказал Еркебулан озабоченно.— Блевать не тянет?

— Есть немного,— признался Игорь.

— Если тянет, то лучше сразу проблеваться. Вон туда, в кусты сходи, а я здесь подожду.

Игорь спрятался за куст и присел на корточки. Его и вправду мутило. На нос уселась муха и тут же снова взлетела и стала носиться кругами, то приближаясь, то отлетая дальше.

— Ладно,— сказал Игорь и сунул пальцы в рот.

Его сразу же стошнило густой и липкой кашей. Во рту стало горько. Горло будто обожгли. Обрадованная муха тут же присела на вырванное. Игорь плюнул в нее, но не попал.

Он посидел еще немного, пялясь в землю, и почувствовал облегчение. Утершись тыльной стороной ладони, Игорь медленно встал.

— Я слышал,— сказал Еркебулан, когда Игорь подошел.— Там за поворотом колонка. Тебе сейчас нужно попить. Идти можешь?

— Конечно,— кивнул Игорь.

— Хоть вода у нас хорошая,— говорил Еркебулан, пока они умывались и пили ледяную обжигающую воду.— В других аулах и с водой проблемы. Пьют не пойми что. Я видел. Мутную, грязную. А у нас подземный источник. Он и реку нашу питает. Как говорится, чем за хана держаться, лучше реки держаться.

Игорь все никак не мог напиться. Все дергал и дергал рычаг колонки, подставляя лицо под сильную струю воды. Вода пахла листьями, нагретыми на солнце камнями и железом, и Игорю казалось, что, открывая рот, он впускает в себя речку целиком — с каменистыми берегами, извивающимися водорослями и закованными в металлическую чешую рыбами. И эта вода оживляет все внутри него. По берегам реки усаживаются загорелые рыбаки в панамках, в кустах шуршат пугливые косули, на ветвях деревьев плетут гнезда голосистые птицы. И надо всем этим гулко пульсирует красное солнце.

— Аґай![1]

Струя в очередной раз иссякла.

— Аґай!

Игорь повернул голову и увидел, что к ним бежит загорелый пацан лет шести-семи.

— Махмудик! — крикнул в ответ Еркебулан.

— Здрасьте, аґай! — пацан остановился возле них и уперся руками в коленки, переводя дыхание.— Меня мама за вами послала. Она уже дастархан[2] накрывает. Пойдемте?

* * *

Дулат по-прежнему грелся на солнышке, выставив вперед пузо, но уже сидя во главе длинного стола. Увидев гостей, он хрипло заорал:

— Роза! Роза! Пришли твои қонақтар[3]!

Из дома выбежала полная женщина в широком цветастом платье и в косынке, по-пиратски завязанной на голове, и сразу кинулась к гостям:

— Ерке, салем! Здравствуйте. Ой, руки мокрые. Это я овощи мыла. Вас как зовут? Игорь? Я — Роза. Игорь, проходите, пожалуйста. Вы извините, мы просто не ждали гостей. Я-то с утра еще к подружке ушла помочь с шерстью, здесь рядом.

---

[1] Дядя *(каз.)*.

[2] Праздничный стол *(каз.)*.

[3] Гости *(каз.)*.

Алуа! Алуа, иди сюда, познакомься. А Нуржан — это мой старший племянник — уже поехал барана резать. Он на тракторе, так что скоро вернется.

К ним подошла другая женщина, белолицая, рыжеволосая, зеленоглазая. Улыбнулась, вытирая полотенцем руки.

— Здравствуйте,— сказал Игорь.

Из-за забора послышался приближающийся рокот.

— Вернулся! — воскликнула Роза.— Давайте, проходите, садитесь, не стесняйтесь. Алуа, кумыс гостям налей, а я пока мясо поставлю. Махмудик, бегом за Диной.

Во двор вошел Нуржан, с трудом неся в каждой руке по мешку. Из мешков на сухую землю капала кровь.

От кумыса Игорь хотел отказаться, но не смог.

— В такую жару холодный кумыс — то что нужно,— увещевала его Алуа.

Живот у Игоря вел себя подозрительно тихо, зато горло болело все больше.

— Совсем чуть-чуть,— попросил он.

— Конечно,— улыбнулась Алуа, наливая ему полный стакан.— Всего стаканчик.

На стол накрывали Махмудик и тонкая девушка с длинной плотной косой — его сестра Дина. Выбегали из дома с тарелками и расставляли их по скатерти. Дина близко к Игорю не подходила, даже глаз на него не поднимала.

— Стесняется,— сказал Еркебулан.— Возраст такой.

Во двор заглядывали соседи. Игорь знакомился, но уже не успевал запоминать имена, лица. Пришел и Валера, смеялся во все свои золотые зубы и рассказывал об их дорожном приключении. Может быть от кумыса, а может быть от навалившегося еще с утра недомогания, голова кружилась, и все внутри было натянутым до боли. Игорь даже кивал с опаской, боялся, как бы не лопнули эти внутренние струны.

Наконец к гостям вышла Роза с большим блюдом в руках.

— О, беш! — закряхтел, оживляясь, Дулат.

На тонких листах теста лежали крупные куски мяса, казы и карта[1], усыпанные луковыми кольцами и обложенные цельными вареными картофелинами.

— Куырдак[2] будет позже,— объявила Роза.

— Э, Ерке,— крикнул Дулат.— Разливай! Бабам и детям не надо.

— Как не надо? — всплеснула руками Роза.— Давай, Ерке, нам по пять капель. Нужно же с гостем выпить.

— Ладно,— сказал Дулат, слегка привстав со своего трона.— Как говорится,—қонақ келсе, құт келер. Понял, Игорь? Гость приходит — счастье в дом с собой приводит. Давайте, алға.

Все выпили и тут же зашуршали, загремели ложками. Игорю шмякнули в тарелку целый пласт слипшейся тонкой жаймы[3], засыпали сверху мясом, кружками казы, луком, налили полную пиалку жирной сорпы[4].

— Беш нужно есть руками,— наставлял Игоря Дулат.

— Пусть ест, как цивилизованный человек,— ругалась Роза.— Что ты к нему пристаешь?

— Руками ведь вкуснее! — возмущался Дулат.

Игорю со всех сторон что-то подкладывали, подливали, и он совершенно не понимал, как же все это съесть. Его вначале пытались усадить по правую руку от Дулата как почетного гостя, но Игорь заупрямился. Хотелось быть не во главе, а посреди, между людей, чувствовать их тепло, быть погруженным в их голоса. Игоря посадили в центре, рядом с Еркебуланом, но Еркебулан почти не присаживался за стол,

---

[1] Колбасы из каонины.

[2] Традиционное казахское жаркое.

[3] Тесто, лапша для бешбармака *(каз.)*.

[4] Казахский суп из баранины.

а все ходил с бутылкой и разливал, разливал. Солнце уже спустилось совсем низко, спряталось за ветками коротких деревьев, разметав по скатерти и лицам людей паутину теней. В небе над головами гостей закружились тихие быстрые призраки.

— Это что, летучие мыши? — спросил Игорь.

— Мы их называем *жарканат*,— ответил Еркебулан.— Крылатые невесты.

— Жарканат... Это же почти жар-птица,— сказал Игорь, задрав голову, и тут же один из призраков спикировал ему прямо на лоб, ударил крыльями по глазам, вцепился в волосы. Игорь закричал от ужаса, вскочил, пытаясь стряхнуть мышь с головы, но там уже никого не было.

— Вот и поженили тебя, орыс! — захохотал Дулат с того конца стола.— Не бойся, никуда твоя невеста не денется теперь! Садись давай. Э-э, Еркебулан, налей-ка ему.

Еркебулан дружески хлопнул Игоря по спине. Игорь сел, ни на кого не глядя, чувствуя, как гости посмеиваются над ним, выпил предложенную рюмку. Стало легче. Роза принесла и поставила на стол блюда с куырдаком. От тушеного мяса и картошки поднимался пар. Гости громко переговаривались, смеялись, их голоса сливались

в дрожащий, равномерный гул. От горячей еды Игорь нещадно потел, утирался, но продолжал течь. И даже несмотря на это, время от времени его передергивало от холода, идущего изнутри, словно то ли в животе, то ли в груди выросли у него высокие острые горы со снежными вершинами и вечными льдами. От водки и сорпы льды таяли, и холод начинал перемещаться по телу, подмораживая то ладони, то голову, то живот.

Махмудик сидел напротив Игоря и ел немного, но внимательно за гостем наблюдал.

— Ты мерзнешь? — спросил он.

— К старшим на «вы» нужно обращаться,— сидящая рядом Алуа легонько шлепнула Махмудика по затылку.

— Ничего,— сказал Игорь.— А как ты догадался?

— Я знаю, когда человеку холодно,— пожал плечами Махмудик.

— Ты это по моему лицу увидел?

— Нет,— сказал Махмудик,— не по лицу. По тебе.

Игорь усмехнулся, но по позвоночнику опять побежал холодок.

— Он и правда знает,— сказала Алуа.— В дедушку пошел. Утемис-ата многое умел. Мы раньше к нему всем поселком лечиться ходили. До больницы ведь далеко.

— А как он лечил? — спросил Игорь.

— Руками трогал,— подумав, ответила Алуа.— Бил иногда. Говорил. Играл. Его кобыз[1], кстати, Махмудику по наследству перешел. Махмудик сам научился играть.

— Нет,— вмешался Махмудик,— это меня ата научил.

— Когда же он тебя научил? — улыбнулась Алуа.

— Он ко мне по ночам приходит,— серьезно сказал Махмудик.— Говорит, что я еще многого не умею.

— Махмудик! — позвала Роза с другого конца стола.— В дом сбегай, салфеток принеси. Сбоку от плиты.

Махмудик легко соскочил с табуретки и засверкал пятками.

От выпитой водки язык у Игоря слегка заплетался, но поговорить хотелось.

— Алуа, почему вас Дулат не любит? — тихо спросил он, перегнувшись через стол.

— Да он никого не любит! — улыбнулась Алуа.— А что, рассказывал обо мне что-то?

— Ну,— замялся Игорь.— Ему, кажется, не понравилось, что Роза к вам сегодня ходила.

— Он просто вообще терпеть не может, когда Роза уходит. Неважно к кому.

---

[1] Казахский национальный смычковый инструмент, связанный с религиозно-магическими ритуалами баксы — шаманов.

Ему нужно, чтобы жена вокруг него крутилась. А у меня Роза гостит часто. Я ведь одна живу, помочь некому, работы много.

— Я буду здесь еще пару дней,— сказал Игорь, осмелевший от застолья.— Могу как-нибудь зайти.

Алуа рассмеялась.

Игорь вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд, чуть повернул голову и встретился глазами с дочкой Дулата, Диной. Она глядела на него по-детски открыто, то ли с укором, то ли с недоверием, а потом вспыхнула, отвернулась и выскочила из-за стола.

Живот внезапно скрутило, да так, что мочи не было терпеть.

— Извините,— пробормотал Игорь.

Туалет стоял на участке, в дальнем конце. Спотыкаясь и покачиваясь, Игорь добрался до него, закрыл за собой дощатую дверь и привалился к стене... Вокруг Игоря сонно кружились мухи, он невольно следил за ними взглядом, и скоро ему стало казаться, будто бы он и сам двигается вместе с ними. Вверх-вниз, вверх-вниз, зигзагами, словно рисуя, словно пытаясь оставить в воздухе свои инициалы. И. Игорь. А может быть, М. Муха. Игорь. Муха. Игорь. И. М. ИМ. ИМИ. Такая свобода. Ухх, вниз, аж сосет под ложечкой. Эхх, вверх, до перегрузки. Глаза вдавливаются в орбиты. И снова вниз. Туда-сюда, вырисовывая кардиограммы, повторяя линии далеких, едва видных отсюда гор, и с каждым разом взлетая все выше. Первый круг, второй, и дальше вверх, вверх, по спиралевидной траектории до самого потолка. И сесть. Перевести дух. Перевернуться брюшком кверху и вцепиться лапками в шершавые доски. А кто это приближается по дороге вниз головою? Кто это шатается там между грядок? Кто стучится в дверь? Боже, ну зачем так грохотать? Господи, голова моя, голова...

— Эй, Игорь, ты как там? Всё в порядке? — Еркебулан постучал еще раз, настойчивее.

Игорь с трудом открыл глаза.

— Давай-давай, сейчас домой пойдем,— приговаривал Еркебулан, поддерживая Игоря, пока они шли к столу.

Многие уже разошлись. Женщины убирали со стола. Только Дулат все сидел на том же месте и крепко спал, запрокинув голову и время от времени оглушительно всхрапывая.

— Ал-ла! — воскликнула Роза, увидев Игоря.— Ох и напугали вы меня. Спохватились, а вас и нет. Туда-сюда. Алуа говорит — в туалет пошел и пропал. Думали, а вдруг провалился и утонул?

— Нет,— слабо улыбнулся Игорь.— Я ведь еще с вами поговорить хотел.

И с Махмудиком. Для статьи. Вот и диктофон с собой взял.

— Конечно, конечно,— закивала Роза.— Мы уже с Ерке договорились. Завтра вечером у нас соберемся, посидим, поговорим обо всем. А сейчас вы лучше отдохните, выспитесь.

Днем улица была пуста, а вечером появились люди. Возле домов на корточках сидели молодые парни и девушки, лузгали семечки, с интересом глядели, как медленно, поддерживая друг друга, по дороге идут Игорь с Еркебуланом. Навстречу им женщины вели бурых и пятнистых коров. Коровы шли покорно, понурив головы, а женщины стегали их прутьями по костлявым ляжкам и что-то недовольно кричали. Одна за другой проехали мимо, поднимая удушливую пыль, две потрепанные иномарки, груженные металлоломом. Проскакал на низкорослой лошадке усатый мужчина, глянул на них свысока.

Наконец показался дом Еркебулана. Они зашли во двор и присели на скамейку под яблонькой.

— Перекурим и зайдем,— решил Еркебулан.— Сегодня торопиться уже некуда.

Игорь не курил. Он сидел рядом и смотрел, как на светлом еще небе зажигаются первые звезды.

— Ты думаешь, наверное, что у нас тут всегда пир горой,— сказал Еркебулан.— Да? Думаешь, что у нас тут еды невпроворот? Что мы барана каждый день режем?

Игорь понял, что на эти вопросы отвечать не нужно, и ждал следующих слов.

— Не-е-ет! — Еркебулан потряс сигаретой, будто указательным пальцем.— Нет. Просто ты — гость. И тебе на стол все самое лучшее подадут. Не потому, что ты журналист или еще что. Просто гость. Водка, лимонад, конфеты — это все не так-то просто здесь достать. Да и дорого. Знаешь, сколько раз в год у нас дети конфеты едят?

Игорь не знал.

— Два,— сказал Еркебулан и для пущей ясности сделал рожки из пальцев.— Два. На Новый год и на день рождения. А еще — когда можно, как сегодня, со стола стащить парочку.

Он затянулся, вздохнул:

— Ничего ты не понимаешь.

Игорь не нашелся, что сказать.

— Не место здесь детям,— подумав, продолжил Еркебулан.— И не в конфетах дело. Вот у меня двое. Таиру десять, Айдару шесть. Чему они тут в ауле научатся? У нас и сейчас школа — не школа. Три парты, один учитель. А что дальше? Этих не знаю, как растить, а тут и еще один. Аттеген-ай![1]

— Еще один? — медленно соображая, спросил Игорь.

— Да. Бану сегодня утром огорошила,— тихо, сквозь зубы сказал Еркебулан.— Еще один будет. Не знаю, Игорёк, не знаю. И в город переезжать не хочу. Кому мы там нужны? Будут коситься. С аула, мол, понаехали. Опять жилье искать, работу. Здесь хоть дом есть. Да толку с дома! Машина у меня сломалась две недели назад. Есть у нас тут один парень, Берик, хорошо в машинах понимает. Посмотрел, говорит, детали нужны. Детали где? В городе. Вот уже две недели на автобусе в город езжу. Нет деталей, заказывать пришлось. Жду. Жду и молюсь, чтобы это время без машины протянуть.

А как мне без машины? А вдруг, не дай Аллах, в больницу нужно? А мясо на базар как везти? Эх!

Еркебулан смял окурок и бросил в ведро. Запрокинул голову, выпрямился.

— Хорошо здесь, правда? — глянул на Игоря искоса.— Хорошо, воздух сладкий, птицы поют. Хочешь — в речке купайся, рыбу лови. Все свое. Только жизни для человека нет. Человеку ведь, чтоб что-то сделать, энергия нужна. Это Кудайберген, мулла наш, все время повторяет. А энергия только от веры может быть. Иначе откуда? Ну, то есть не обязательно от веры в Аллаха, но хотя бы от веры в то, что труд не напрасен. Это вот как у Аскарика, у братишки моего, дом. Раз вы приятели, то ты, наверное, у него в гостях бывал, да?

— Да, конечно,— кивнул Игорь.

— Ну значит, помнишь, что у него рядом с домом развязку построили? Пять лет строили и все никак не могли решить — сносить дом Аскарика или нет. Сколько раз мне Аскарик жаловался — стояки проржавели, нужно менять, крышу перекрыть пора, а по-хорошему и второй этаж построить, а то дети растут. Но ничего сделать не может. Какой смысл, если завтра все могут снести?

— Ну да,— сказал Игорь.— Я как-то дерево у себя в палисаднике посадил. Думал, что хорошее дело для всего двора сделал. А через год приехали городские службы, часть деревьев во доре срубили, а мое дерево типа случайно трактором раздавили. Я с тех пор ничего не сажаю.

---

[1] Увы! Досадно! *(каз.)*.

— Да и я о том же. Я не забухал, слава Аллаху, потому что в город надеюсь перебраться. Но если б не это — тоже, наверное, руки опустились бы. Я ж понимаю, что строить дом на тонущем острове смысла нет. Веры нет в смысл такого дела. Потому и энергии нет. А без энергии нет и жизни в человеке. Вот и умирает аул. Ладно, не бери в голову. Как-то жили ведь раньше. Пойдем-ка в дом.

Спал Игорь тревожно. Ночью еще вчера уютный дом вдруг стал чужим. Тусклый уличный свет проникал в комнату, по стенам метались серые тени качающихся ветвей деревьев. Из щели в полу вылез силуэт паука и подполз прямо к лицу Игоря. Он хлопнул по нему ладонью, но не попал. За окном вспыхнула молния, а через несколько секунд небо глухо взорвалось и обрушилось на окна дождем. То ли от страха, то ли от воды, изо всех щелей вдруг полезли насекомые и стали забирались к Игорю под одеяло.

Он перепугался, хотел вскочить, заорать, но обнаружил, что забыл, как шевелиться. Его тело выросло, потяжелело, прилипло к полу. Насекомые ползали вокруг, касались его своими усиками и крылышками. Игорь с ужасом ждал, что сейчас они поползут и по нему, но они медлили, как будто ждали сигнала, а его все не было. Рядом с ним села Дина, погладила его по голове. Глаза у нее были большие, золотистые. Они расплывались все шире и шире, а потом слились в один глаз. «Уведи меня отсюда»,— попросил Игорь, но голос его не зазвучал. Глаз лопнул, и из него потекла вода. Она лилась прямо на лицо Игоря, и он принялся жадно пить. Напор становился сильнее. Игорь почувствовал, что захлёбывается. «Не бери в голову,— прозвучал голос внутри него.— Не бери это в голову». И словно по команде полчища насекомых бросились на его лицо, заползая в уши, глаза, рот, ноздри.

Игорь проснулся весь в поту. Простыня, одеяло, трусы — все было мокрым насквозь. Голова пылала. Во рту стоял кислый похмельный вкус. Он вылез из постели, но тут же замерз. Схватил корпешку из стопки в углу, завернулся в нее и встал у окна. Ни молний, ни ветра уже не было, только крепкий ровный дождь. Стоять оказалось тяжело, колени дрожали. Игорь не полез в мокрую постель, а присел на пол в углу, еще туже укутавшись в одеяло, и почти сразу уснул.

* * *

— Игорёк, ты живой?

Игорь приоткрыл глаза и увидел Еркебулана, присевшего на корточки возле него.

— Ладно, сейчас принесу опохмелиться,— сказал Еркебулан.— Никуда не уходи,— и засмеялся.

Он вернулся с двумя бутылками пива. Открыл их зубами и протянул одну Игорю. Игорь жадно глотнул. Холодное пиво резануло горло, но приятно спустилось в желудок.

— Ну вот, другое дело,— сказал Еркебулан, тоже прилично отхлебнув.— Ладно, время позднее. Пацаны мои уже позавтракали. Пойдем тоже пожрем, и я в город поеду. Ты сегодня сам по себе.

Они ели лепешки с медом, запивая айраном. Бану хмурилась. Подливала чай, накрывала на стол, но не разговаривала. У Игоря не было сил спросить, что случилось, да он и так все понимал без слов.

После вышли во двор.

— Я вернусь до вечера,— сказал Еркебулан.— К Имангалиевым вместе пойдем, как и обещали. А ты пока можешь погулять. К речке сходи. Если хочешь, загляни к Валере. Двадцать седьмой дом, прямо по улице. Он вчера звал. В общем, отдыхай.

В пять встретимся здесь же, лады?

— Да,— кивнул Игорь.

Еркебулан ушел, а Игорь еще долго стоял и тупо смотрел на дорогу. Мыслей не было, только звенела, как пустой казан, голова. Мимо него прошла старуха, ведя на веревочке грязного, с репьями, запутавшимися в шерсти, барана.

Игорь пошел следом. Потом свернул, увидев знакомую колонку. Как и вчера, долго умывался, пил, пока не наполнился доверху. Двинулся дальше, бесцельно, наугад. На дороге впереди, поднимая пыль, боролись двое голых по пояс парней. Худые, но крепкие, они по-петушиному наскакивали друг на друга, сцеплялись в заковыристой позе, а потом отлетали в разные стороны, успевая напоследок поддать противнику кулаком или ногой. Игорь не мог понять, дерутся ли они в шутку или по правде, и решил свернуть в проулок от греха подальше. Это, собственно, и проулком можно было назвать с трудом. Узкая каменистая тропинка, вытоптанная трава, заборы по обе стороны. Игорь шел, пока не уткнулся в стену дома. Тупик. Пришлось возвращаться. Парни уже не дрались, а устало сидели на обочине, тихо переговариваясь. Увидев Игоря, они удивленно замолчали. Когда Игорь проходил мимо, один крикнул:

— Эй, темек бар ма?[1]

— Жок[2],— ответил Игорь, стараясь глядеть в сторону. Он и вправду не курил.

Вскоре он вышел на перекресток. Подумав, оглядевшись, повернул налево, почему-то решив, что река там. И не ошибся. Деревня закончилась. Вдоль дороги рос низкий колючий кустарник. В сухой траве шуршали стремительные серые ящерицы, напуганные его шагами. Блеснула вода, и Игорь пошел к ней напрямик, раздвигая кусты, разгоняя глазастых кузнечиков. Здесь, у реки, было прохладнее. Игорь сначала хотел искупаться, но теперь передумал. От влажного речного ветерка его снова стало морозить. Он прошелся по берегу, нашел ровное сухое местечко и разлегся прямо на теплой земле, подставив лицо солнцу. Голова болела уже меньше, чем утром. Где-то совсем рядом вскрикнула птица. Голос был Игорю незнакомый. Высокий, хрипловатый. Хди. Хххди. Он поискал птицу глазами, но не нашел. Солнце пекло. Игорь подумал, что может случайно уснуть и сгореть. Лицо уже стягивало. Он нехотя встал и отошел в тень невысокого карагача. Присел, привалившись спиной к стволу, и долго сидел так — без мыслей, без эмоций, глядя на воду и на листья над головой.

Очнувшись, понял, что проголодался. От долгого сидения ноги затекли. С трудом согнув колени, Игорь помассировал икры. Побежала колючая кровь. Держась за дерево, охая по-стариковски, Игорь поднялся и поплелся обратно в деревню. Он решил зайти к Валере. Вспомнил — дом двадцать семь. Дом нашел быстро. Заперто. Постучался в калитку, но ответила только собака.

Игорь решил погулять, а потом попробовать еще раз. Все равно идти ему было некуда. Он пошел в сторону дома Имангалиевых по знакомой дороге.

— Эй! Игорь, постойте!

Игорь обернулся и увидел женщину с ведрами. Солнце светило прямо ему в глаза и не давало разглядеть ее лицо. Женщина шла, мелко перебирая ногами, ведра явно были тяжелыми.

— Алуа! — воскликнул Игорь и кинулся ей навстречу.— Давайте я вам помогу.

— Нет-нет-нет, не нужно,— замотала головой Алуа, тяжело дыша.— Тут уже рядом. Пойдемте, я вас свежим молоком напою.

Игорь ведра все-таки забрал, правда, сразу же в глубине души пожалел об этом.

— Что у вас тут, жидкий свинец? — спросил он, с трудом удерживая равновесие.

— Сами напросились,— засмеялась Алуа.— Вон уже мой дом.

Игорь дотащил ведра до крыльца, а потом долго с наслаждением пил прохладное молоко, стакан за стаканом.

---

[1] Эй, сигареты есть? *(каз.)*.

[2] Нет. *(каз.)*.

— Устали? А я привыкла уже,— сказала Алуа.— Вы передохните пока, я на стол накрою.

Кухонька в доме была маленькой, темной, с высоким узким окном.

— Зато летом здесь прохладно,— сказала Алуа.

— Как вы одна со всем этим справляетесь? — спросил Игорь, глядя, как Алуа накладывает ему мясо, картошку, овощи.

— Нормально. Соседи помогают.

— А муж... дети? — осторожно спросил Игорь.

— Был муж,— спокойно сказала Алуа.— Меня рано замуж выдали. У нас часто девочек рано замуж отдают. Сейчас трудно жить, конечно, но тогда, в девяностые, было еще хуже. Приезжали люди с оружием, забирали все, что хотели, что увезти могли. Пригоняли грузовик, заталкивали туда коров, баранов. Впрочем, тоже люди были, не забирали всего. Если у человека две коровы — брали одну. Если корова и теленок — брали теленка. А у Аманбека, моего мужа, конь был любимый, Тарлан. Молодой, крепкий, ухоженный, тонконогий. Аманбек его больше, чем меня любил. И кто-то из этих Тарлана приметил.

— Забрали?

— Как-то ночью специально за ним приехали. Мы проснулись, а они уже во дворе. Аманбека увидели, говорят — выводи коня. Аманбек в одних трусах стоит перед ними и говорит — не отдам. Дом берите, жену берите, а коня не отдам. Я, услышав это, испугалась, стала вещи собирать, решила, что бежать нужно. Потом слышу — шум.

В окно выглянула, а через двор Тарлан несется, в седле полуголый Аманбек. Перемахнул Тарлан через ограду и умчался по дороге. Эти закричали, стрелять начали, потом запрыгнули в свой грузовик и следом поехали. Вот и все. Больше Аманбека я не видела. Кто-то говорит, что подстрелили их обоих — и коня, и мужа моего. А мне кажется, что просто сбежал Аманбек. Не нужны ему была ни я, ни дом. А за Тарланом ни один грузовик не угнался бы.

— Мда,— выдохнул Игорь, не зная что сказать.— А потом?

— А что потом? Ничего такого. Жила как все. Замуж не вышла. Был один, правда. Так. Просто ребенка хотелось. Но не сложилось. А вы? Женаты?

— Не,— покачал головой Игорь.— Всю жизнь в холостяках. Уфф, жарко здесь, правда? Я расстегну рубашку, вы не против?

— Извините,— сказала Алуа, пристально глядя на Игоря,— можно я вас потрогаю?

Игорь замер.

Алуа протянула руку и положила ладонь ему на лоб. Пальцы у нее были мягкие, прохладные. Игорь закрыл глаза. От ее пальцев в его лоб стали прорастать тонкие синие корни.

— У вас ведь жар,— озабоченно сказала Алуа, убирая руку вместе с корнями.

— Ерунда,— отмахнулся Игорь.— Мне уже несколько дней нездоровится. Пройдет.

— Нет, погодите, я сейчас градусник достану.

Алуа подставила к витой бежевой этажерке табурет, встала на него и принялась шуршать пакетами.

— Вот, нашла.

Игорь сунул градусник подмышку.

— Мы сегодня вечером пойдем слушать Махмудика,— сказал он.

— Я знаю,— кивнула Алуа.— Я тоже приду.

— Вы вчера рассказывали о дедушке Махмудика... как же там его... Утеген?

— Утемис. Утемис-ата.

— Да, точно. Так это, получается, отец Розы?

— Нет,— сказала Алуа.— Дулата. У Утемис-ата много детей было. Кто-то умер уже, кто-то в город перебрался. Здесь только Дулат остался.

— Так Дулат тоже?..— и Игорь подвигал в воздухе невидимым смычком кобыза.

— Дулат никогда не играл,— засмеялась Алуа.— Но он немножко, эээ, корыпкель. Не знаю, как это на русском. К нему ходят о будущем советоваться. Только Дулат мало кому советы дает. А если и дает, то сам потом не рад будешь, что за советом пришел.

— Я не совсем понимаю,— сказал Игорь.— Он что-то типа ясновидящего, что ли?

— Да, точно,— кивнула Алуа.— К примеру, в этом году Зауре, соседка моя, забеременела. Первенца ждали. Вместе с Бахытжаном, мужем ее, в город поехали, на УЗИ. Там посмотрели, сказали, что мальчик. Ну, у Бахи праздник, все-таки сын, наследник. Снимки привезли с УЗИ, гостям показывали. А потом стали думать, как назвать. Спорили, ругались, а так и не сошлись. Баха решил к Дулату пойти посоветоваться. Роза все видела, а потом мне рассказала, вот почему я знаю. В общем, Баха пришел. А Дулат, как обычно, на стуле своем развалился посреди двора.

На солнышке греется. Баха ему: «Ағай, как мне ребенка назвать? Имя нужно хорошее, а то Зауре родит уже со дня на день». Дулат один глаз открыл. У него же голос еще такой хриплый, помните? Не поймешь, то ли говорит, то ли кашляет. Он раньше курил очень много, сейчас ему Роза запрещает. В общем, Дулат говорит: «Э, барып тұрған ақымақ![1] Ты чё, сам имя придумать не можешь?» Баха раскраснелся, обиделся, но не уходит. «Я,— говорит,— к вам, ағай, со всей душой, за советом обратился, уважение проявил, а вы меня ни за что дураком обзываете». «Ладно,— хрипит Дулат,— пусть будет Гульмира». «Какая Гульмира, ағай, у меня мальчик!» — Алуа не сдержалась и захохотала:— Роза говорит, что Бахытжана в этот момент чуть удар не хватил. А Дулат в ответ как заорет: «Пошел вон! Сказал Гульмира, значит Гульмира!» Через месяц у Зауре дочка родилась. Уж не знаю, то ли врачи ошиблись, то ли еще что. Ну, а Бахытжан с Дулатом до сих пор не разговаривает, дуется. Но назвали девочку все-таки Гульмирой.

— Ну и ну,— сказал Игорь.— И много у вас здесь таких историй?

— Ой, много,— махнула рукой Алуа.— Давайте уже на ваш градусник посмотрим. О, Алла, да у вас же тридцать восемь!

— Это ничего,— сказал Игорь.— Не сорок же. Жить будем.

— У меня парацетамол есть. Сейчас вам достану. Нужно стаканом воды запить и поспать часик-другой. Мне всегда помогает. Вы же не торопитесь? Я вам в комнате постелю.

Игорь хотел было запротестовать, но вдруг понял, что и действительно не прочь вздремнуть. Он проглотил таблетку, осушил залпом стакан и пошел вслед за Алуой.

От выпитой воды его тело мгновенно покрылось потом. Пот выступил не каплями, а будто бы жиром, выступил и тут же размазался по коже, покрыл все тело влажной холодной пленкой. Алуа привела Игоря в комнату со стареньким диваном у окна.

На нем валялись потрепанные разноцветные подушки. Алуа скинула все, кроме одной, а потом, со скрипом выдвинув сиденье, достала из дивана толстый шерстяной плед.

— Вот, ложитесь, укрывайтесь, а я вас через пару часов разбужу, и пойдем вместе к Розе.

— Нет, мне нужно к пяти вернуться. Я Еркебулану обещал,— сказал Игорь, с удовольствием растягиваясь на диване.

— А я пошлю к нему кого-нибудь. Не потеряется. Ну, все, отдыхайте.

Игорь вздохнул.

— У вас глаза такие необычные,— сказал он.— Я еще вчера заметил. То желтые, то зеленые, то голубые. Как вода.

— Ладно, не начинайте опять,— засмеялась Алуа.— Лучше поспите.

---

[1] — Э, дурак набитый! (*каз.*).

Игорь закрыл глаза. Лекарство уже действовало. Ему было тепло и как-то особенно спокойно. Хотелось замереть, не двигаться, не дышать, сохранить этот покой. Он и замер. Сначала исчезли ноги, потом спина, руки, пальцы. Перестала вздыматься грудь. Стерлись все черты лица. Остались только обрывки мыслей в голове и легкое, чуть слышное дыхание. А потом растворилась и голова.

Проснулся он снова в луже. Был мокрый весь, с ног до головы. Вскочил, сонный, стянул с себя рубашку, штаны, трусы — всё. Судорожно разложил по спинке дивана сушиться. Перевернул одеяло и подушку и снова лег. Лег и моментально отрубился.

— Игорь, ну как вы? — Алуа склонилась над ним. Игорь приоткрыл глаза.

— Пора? — спросил он, облизывая пересохшие губы. Алуа кивнула.

Он стянул с себя одеяло по-детски, толкая его ногами, и тут же понял, что голый. Охнул, свернулся в клубок и прикрылся подушкой.

Алуа чуть заметно покраснела и сказала:

— Ладно, вы одевайтесь и приходите. Я на кухне, жду вас. Чай попьем и пойдем.

Как только Алуа закрыла дверь, Игорь торопливо оделся. Одежда уже подсохла, только трусы были еще слегка влажными. Он вышел в коридор, принялся оглядываться в поисках туалета.

— Справа! — крикнула из кухни Алуа.

Дверь была в закутке за занавеской. Игорь долго мочился, казалось, что это никогда не закончится. Потом ополоснул лицо прохладной водой и вышел.

Он выпил одну за другой четыре пиалки чая с молоком и все равно не напился. После парацетамолового сна голова была пустой, звенящей.

— Пора,— сказала Алуа.

Дулат, как обычно, сидел, развалившись на стуле посреди двора. Увидев Игоря, он махнул рукой и просипел:

— Салем, орыс! Иди в дом.

Игорь пропустил Алуу вперед. Ему почему-то было страшновато. На стенах комнаты, в которую они прошли, висели толстые ковры с замысловатыми узорами.

На секунду Игорю показалось, что со всех сторон на него смотрят черти с изогнутыми рогами.

— Давайте присядем,— сказала Алуа.

Они сели на диван, соприкоснулись бедрами, локтями. От Алуы шло тепло — мягкое ласковое тепло. Игорь чувствовал, как она дышит. Он мог бы закрыть глаза и все равно с точностью повторять, подхватывать вместе с ней каждый вдох и выдох. Сейчас в этой пугающей комнате Алуа была его защитницей, его островом среди бушующего океана, его свечой в непроглядной темноте.

Послышались шаги.

— Идут,— сказала Алуа и резко выпрямилась.

Игорь вдруг почувствовал, что не может пошевелиться. Его охватил дикий первобытный ужас, хотелось убежать, спрятаться от этих приближающихся шагов или хотя бы закрыть глаза, но тело не слушалось. Резкая боль пронзила живот, и он непроизвольно часто-часто задышал.

В комнату зашла Роза, ведя за руку Махмудика. На Махмудике была странная шапка. В другой руке он нес кобыз.

Роза кивнула Игорю и села рядом. Зажатый между Розой и Алуой Игорь вдруг успокоился, только отчего-то болели кисти рук. Он взглянул на них и увидел, что кисти неестественно вывернуты, скрючены, будто сведены судорогой.

Махмудик взял за спинку стул, стоящий в углу, и подтащил к центру комнаты. Сел. Чуть тронул струны кобыза. У Игоря по позвоночнику побежали мурашки. Махмудик постучал пальцами по корпусу. Тыгыдык-тыгыдык-тыгыдык. Будто лошадь скачет. Тыгыдык-тыгыдык-тыгыдык.

Поднял смычок. Медленно провел им по струнам. Жуткий звук разрезал Игоря пополам. Махмудик повторил движение, и каждая половина Игоря разделилась еще надвое. Как пилой, двигал Махмудик смычком, разделяя Игоря на все более мелкие части. Игорь при этом почему-то не испытывал ни боли, ни каких-либо эмоций. Просто бежали мурашки по спине, и каждый раз он отмечал — вот, снова, вот. Единственный вопрос, который мелькал у него в голове — а в какой части я?

Махмудик остановился на мгновение и тут же заиграл снова, но уже совсем по-другому. Если до этого он, по сути, повторял одну и ту же ноту через равные промежутки времени, то теперь из-под его пальцев полилась мелодия. Смычок скользил, то скатываясь в хрип басов, то поднимаясь к агонизирующему визгу верхних нот. Затаив дыхание, Игорь слушал эту музыку, и по мере того, как она длилась, всё явственней в ней начали возникать посторонние звуки. Вот защелкали клювами, защебетали птицы. Вот затопали, звонко захохотали бегущие друг за другом дети. Вот зашелестели колосья от налетевшего порыва ветра. Вот плеснулась рыба, зашуршал дождь и расколол небо раскатистый гром. Вот сухо, тихо, причмокивая беззубыми ртами, заплакали старики. В каждом звуке была своя история, а вместе они складывались в целый мир, как будто эта мелодия и была миром. Не повторяла его, не рассказывала, а создавала, каждое мгновение создавала. И Игорю казалось, что остановись Махмудик — и мир исчезнет. Это было так странно и страшно, что Игорь не выдержал и заплакал. И словно поддерживая его горе, кобыз завыл тоскливыми волчьими голосами. Игорь рассыпался уже почти полностью, остался только позвоночник, прямой, как палка, и какой-то странный фрагмент грудины, похожий силуэтом то ли на раскрытый конверт, то ли на контур дома с двускатной крышей. И еще голова.

То есть головы вроде бы не было, но было что-то на месте затылка, откуда Игорь смотрел, слушал, плакал и чувствовал.

Кобыз выл печально, отчаянно, и в основании позвоночника Игоря стала созревать жгучая сила. Она закручивалась, билась, как запертый в тесной комнате смерч, а потом вырвалась и фонтаном, мощной струей ударила Игорю в затылок. Он непроизвольно выгнулся до предела, запрокинул голову, почти прижался затылком к позвоночнику. Сила врезалась в затылок толчками, норовила сломать Игорю шею, наполняла его до предела, и когда ему показалось, что всё — еще один удар, и он взорвется, толчки прекратились. Кобыз молчал. Стояла густая, вязкая тишина. Игорь чувствовал, что в затылке у него — огромный наполненный жидкостью резервуар.

И жидкость из этого резервуара сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее стала перетекать в грудь, в тот самый похожий на открытый конверт пятиугольник. Грудь раскалялась. Углы пятиугольника заострились, запульсировали, замигали. И вдруг Игорь все понял. Понял настолько хорошо, что невольно засмеялся. Понимание щекотало его. Как же все оказалось легко! Игорь все смеялся и смеялся, смеялся до слез. Вода текла из пустоты, потому что глаз у него тоже не было. Вода выходила из него, и ее место стали занимать слова. Игорь понял, что может сейчас рассказать все и обо всем. Всё его понимание теперь можно было выразить в словах. Игорь захотел скорее, скорее поговорить. Он попытался повернуться и посмотреть на Алуу, потом на Розу — но нет, ничего не получилось.

— Знаю! — крикнул тогда Игорь, не глядя ни на кого.— Могу! Хочу!

Чем больше в нем было слов — твердых, колючих, острых, как камни, тем меньше оставалось воды понимания. Ему все еще хотелось что-то рассказать, поделиться, но чем именно? Мысли изворачивались и ускользали, как дождевые черви.

— Я,— закричал Игорь отчаянно, уже страдая от осознания неминуемости происходящего.— Я! Я! Я!

Он вдруг понял, что становится тяжелее, что вдавливается глубже в диван. Снова у него выросли ноги и руки, заморгали глаза, зашевелились пальцы.

Махмудик слез со стула, отволок его обратно в угол, положил на сидушку кобыз. Роза и Алуа словно по команде отодвинулись от Игоря. Ему сразу стало холодно, тело

затряслось от озноба. Махмудик подошел к Игорю и положил ему руки на колени.

— Всё,— сказал он.

Игорь вздохнул глубоко, медленно и понял, что и вправду всё. Он снова был один, сам по себе. Мир стал пуст и неприветлив. В горле першило. Игорь закашлялся.

— А пойдемте чай пить? — сказала Роза.

К чаю был хворост, хрустящий, чуть присыпанный сахарной пудрой. Пришла Дина, принялась мыть посуду, поглядывая краем глаза на гостя. Вспомнив об интервью, Игорь достал диктофон, однако даже не включил его. Вопросов не было. То есть вопросов было много, и даже очень, но говорить не хотелось.

— А где Ерке? — сумел выдавить, наконец, Игорь, и поразился своему чужому голосу.

— Вы не переживайте, не заблудитесь,— сказала Роза.— Дина вас проводит, правда, жаным[1]?

Дина не ответила.

Дулат все так же сидел во дворе, выпятив пузо навстречу всем ветрам. Он поманил Игоря пальцем. Игорь подошел, а Дина осталась на месте.

—Қалай?[2] — тихо прохрипел Дулат.— Живой?

— Живой,— ответил Игорь.

— Дочка тебе моя нравится?

Игорь растерялся:

— Ну...

— Я тебе вот что скажу,— Дулат схватил Игоря за рукав и подтянул к себе поближе: — Ты сюда, вообще, зачем приехал?

От Дулата пахло старым табаком и землей.

— Не знаешь, да? А я знаю. Не поверил бы, уж больно ты хилый да нежный, но знаки были. Буквы я видел на земле и на небе. Ты ведь тоже видел, да? И жарканат тебя выбрала. Значит, спасать меня пришел.

— От кого спасать? — прошептал ошарашенно Игорь.

— От них! — засмеялся Дулат и ткнул пальцем куда-то в сторону.— У тебя теперь сила есть. Ма-а-аленькая такая. Спасибо скажи Махмудику. Чуть-чуть он тебя приоткрыл. А что там дальше в тебе — никто не знает. Ладно, иди давай. Скоро увидимся.

— До свиданья,— промямлил Игорь и торопливо пошел к воротам, где его уже ждала Дина.

Они шли молча. Дина чуть впереди.

«Какая тоненькая,— медленно думал Игорь, наблюдая за ней, пытаясь не отстать,— как иголочка...»

Уже у самого дома Еркебулана Дина остановилась.

— Всё-всё,— сказал Игорь,— узнаю. Спасибо, что проводила.

Дина замешкалась, словно собираясь что-то сказать, а потом стремительно подошла к Игорю, сунула ему клочок бумаги в карман пиджака, развернулась и побежала по дороге прочь. Ее коса покачивалась из стороны в сторону, как маятник у часов. Игорь оцепенело глядел вслед, глядел на это равномерное покачивание, пока Дина не скрылась за поворотом.

Всю ночь Игорь ворочался и никак не мог уснуть. Время от времени на него накатывали приступы странного икающего хохота. Чтобы не разбудить никого, Игорь кусал одеяло и глухо судорожно смеялся, беспричинно, до слез. Наконец, он встал. Все равно сна не было. Оделся и вышел во двор. Была еще глубокая ночь, но светила луна — почти круглая, с чуть надкусанным краешком. Вдалеке тонко заливисто лаяла собака. От прохладного утреннего воздуха кожа стала шершавой, наэлектризованной, чувствительной.

---

[1] Родная, душа моя (*каз.*).

[2] Ну как? *(каз.)*.

Игорь скрипнул калиткой и оказался на пустой дороге. Тихий ночной ветер шелестел листьями деревьев. Он задрал голову и долго смотрел на луну. Смотрел до тех пор, пока небо не затянулось облаками. Игорь вдруг понял, что самым темным облаком на ночном небе кажется то, за которым прячется луна, хотя только сквозь него и пробивается хоть какой-то свет.

«Свет делает темноту темнее!» — подумал он и рассмеялся от парадоксальности этой мысли. Смех мгновенно растворился в тишине. Недовольно чвиркнула птица на дереве. Краем глаза Игорь увидел, как у его ног что-то шевельнулось. Он опустил взгляд и в тусклом белом свете увидел на дороге вполне отчетливую букву «М».

В голове Игоря снова зажужжали мухи. Он наклонился, подслеповато щурясь. Буква «М» вздрогнула и поползла, извиваясь, по дороге.

— Господи! — тихо воскликнул Игорь, отпрянув.

Издалека послышались шаги и голоса. Игорь вернулся за калитку, прикрыл ее и присел на корточки по эту сторону забора. Идущие были пьяны. Громко топая, они переговаривались, бубнили что-то невнятное, языки их заплетались в косы.

Игорь привалился спиной к доскам. Небо уже становилось светлее. Он вдруг почувствовал, что замерз и сунул руки в карманы. Его пальцы нащупали бумагу: не то старый билет, не то завалявшаяся мелкая купюра... Записка! Он вспомнил вчерашний вечер и Дину. В тусклом утреннем свете буквы дрожали, не хотели лезть в глаза. Игорь видел только, что в записке три слова — длинное, короткое и снова длинное. Тире, точка, тире. Он поднес записку совсем близко к глазам и наконец прочитал: «Уведите меня отсюда».

* * *

Завтрак готовил Еркебулан.

— А где Бану? — спросил Игорь, присаживаясь на край табуретки.

— В город поехала,— вздохнул Еркебулан.— Сама, на автобусе. Машину-то я так и не починил. Ей анализы сдать нужно.

— А дети?

— Спят еще. Ты вчера к Имангалиевым сходил? Всё в порядке? Интервью взял?

Игорь с тревогой поглядел на Еркебулана — неужели не знает?

— Не взял,— сказал, наконец.— Зато послушал, как Махмудик на кобызе играет.

— Так ты сегодня опять к ним?

— Нет, знаешь...— Игорю пришла в голову мысль: — Ты говорил, что у вас в ауле мулла есть?

— Есть. Кудайберген. А тебе зачем?

— Можно с ним встречу устроить?

— Сходи в мечеть, поговори. Он обычно там. Я с тобой пойти не смогу, извини. Обещал Валере помочь скот отогнать. И мальчишек с собой возьму. Да ты не потеряешься, не переживай. У нас мечеть хоть и маленькая, но минарет все равно издалека видно. Пойдем, покажу. Да нет, сюда подойди, к окну. Вон, видишь?

Игорь увидел не сразу. А потом понял, куда надо глядеть. Между деревьев видна была узкая кирпичная башня, похожая на маяк.

— Увидел? Вот туда и иди. Дорога сама приведет.

Начался дождь — мелкий, противный. Застучал по стеклу.

— Ну что за погода! Осень ведь только началась! — покачал головой Еркебулан.— Зонтик я тебе дам, у нас есть запасной.

От дождя дорога раскисла, потекла ручьями. Игорь поначалу прыгал между луж, а потом устал, пошел напрямик, к тому же ноги все равно были уже мокрые. Коричневый маяк возникал то слева, то справа — дорога извивалась. Приходилось то обходить овраг, то блуждать между домами. Мимо промчалась стая собак — даже

не посмотрели на Игоря, только забрызгали грязью да оставили в воздухе запах мокрой псины. Время от времени на Игоря накатывало вчерашнее, надувалось и лопалось что-то в груди, и тогда он останавливался, чтобы выдохнуть все это из себя. Но вот думать Игорь не мог. Не мог взять и разложить по полочкам все, что произошло, проанализировать, сделать выводы. Как будто опыт этот находился где-то за пределами досягаемости. Только три мысли вертелись в его голове. Первая: муллу зовут Кудайберген, нужно это не забыть. Вторая: почему Дина просит ее увести, и куда? Третья: отчего-то мне отсюда уезжать совсем не хочется.

А ведь и правда, не хотелось. Вчера еще хотелось, а сегодня все прошло. Но и оставаться здесь вроде бы не очень хочется. А чего же тогда хочется? Игорь даже остановился, потому что вдруг понял — не хочется ничего. Все не имеет значения. Можно сейчас сесть, посидеть — вон там, на мокром пеньке. Можно и не идти в мечеть — никуда она не убежит,— а пойти совершенно в другую сторону. Ничего не изменится. А как можно хотеть того, что ничего не меняет? Какая тогда разница чего хотеть? Вот именно, никакой. Ну-ка, а жить-то хочется? Игорь представил себе, что еще шаг, и он исчезнет, просто растворится в пространстве, и тут же понял, что даже это ничего не изменит. Все также будут качать головами деревья. Все также продолжит литься с неба вода. А может, он уже исчез? Вон ведь, пробежали мимо собаки, даже не обернулись, даже не глянули на него.

Он посмотрел на свои руки, но увидел вместо них странные бледные пятиконечные звезды. Они шевелились, будто готовились убежать. Сухие, безглазые, безротые. Игорь попытался схватить одну из них, но она резво отпрыгнула в сторону, растопырив щупальца. С ближайшего дерева сорвался и закружился над ним ворон.

— Карр,— прохрипел ворон, и Игорь понял, что тот зовет снег. Кар, кар[1].

И как ему это раньше не приходило в голову?

Дождь и правда стал холоднее.

Игорь остановился, поднял свои звезды и поднес их к лицу. По ладоням веером разбегались морщинки. Кожа была потрескавшейся, сухой, но под ней текли голубые извилистые реки. Между большим и указательным пальцами пульсировала жилка, и пальцы от этого непроизвольно дергались. Игорь долго смотрел на это движение, а потом положил ладони на глаза. Мир погрузился во тьму, но тьма была не абсолютной — ее заполняли белые извилистые змеи, плывущие в дрожащей черноте то в одну сторону, то в другую. Игорь вздохнул глубоко, словно пытаясь втянуть этих змей себе в легкие, и закашлялся.

Кудайберген. Имя бы не забыть.

Шатаясь, он пошел дальше. Земля под его ногами хлюпала, чавкала, подрагивала. Минарет, выныривавший прежде по правую руку, исчез, спрятался за деревьями и покосившимися домами, но дорога была одна, сворачивать некуда.

«Так и хожу всю жизнь,— думал Игорь.— Все бы по дороге, по проторенной, исхоженной. Нет, чтобы повернуть сразу. Вон слева поле. Справа забор сломанный. Иди в любую сторону. Так нет же. Жду перекрестков. А ведь, чтобы свернуть с дороги перекрестки не нужны».

Загрохотал мотоцикл, догнал Игоря, приостановился.

— Подвезти?

Борода у мотоциклиста была, а усы — нет.

— Я в мечеть иду,— сказал Игорь.

— Садись!

Игорь сел и вцепился в поручень.

— Держись за меня! — крикнул мотоциклист.

— Все в порядке! — ответил Игорь.— Поехали!

---

[1] Снег *(каз.)*.

Мотоцикл подскочил, как норовистый конь, и расплескал по сторонам грязь.

Доехали они быстро. Мечеть оказалась маленьким домиком с белеными стенами и обычной двускатной крышей. Если бы не минарет, похожий сейчас на гипертрофированную кирпичную печную трубу, то Игорь никогда бы не отличил ее от других домов.

— Рахмет! — сказал Игорь мотоциклисту, слезая.— Удачи вам.

— Да куда ты торопишься,— улыбнулся бородач.— Здесь погоди, сейчас вместе зайдем.

Игорь никогда прежде не бывал в мечети. Да и в церковь заходил всего несколько раз. В церквях не нравился ему запах. Кисловатый душок набожных старух, смешанный с приторно-сладким ароматом то ли восковых свечей, то ли еще чего-то. Изнутри всплыло слово «мирт». Игорь не был уверен в том, что такое «мирт», но решил, что ассоциация верная. А здесь, в мечети все было очень простым — белые стены, серый ковролин, покрывавший пол по периметру, обычные квадратные окна... Удивляла разве что арабская вязь на потолочном ригеле. А может быть, и не вязь это была, а витиеватый восточный узор.

Вслед за Игорем в мечеть вошел и бородач.

— Ну, давай знакомиться, что ли? — сказал он, протягивая руку.— Я Кудайберген.

* * *

Солнце легко проникало в мечеть и делило зал на ровные секторы. Полоса света, полоса тени. Почему-то Игоря это успокаивало. Ему пришло в голову, что на чередовании вообще построена жизнь. Если и есть у нее, у жизни, какой-то смысл, то смысл этот в бесконечном количестве чередований. Не повторений, а именно чередований.

— Поверить не могу,— сказал Кудайберген задумчиво, а потом рассмеялся и с силой хлопнул себя по коленям: — неужели Дулат тебя за Махди принял?

— За кого? — переспросил Игорь.

— Махди. Не знаешь, что ли? — Кудайберген усмехнулся.— Мы с Дулатом частенько об этом говорим. К тому же в последнее время были знаки. Все лето дожди шли, посевы смыло. А в самый старый тополь — местную достопримечательность — во время грозы молнией ударило, сгорел полностью, ничего не осталось. В пророчестве похоже сказано — Махди появится в моей общине в то время, когда выпадет обильный дождь и когда на земле не останется более растений. Да, были знаки.

Кудайберген задумался на мгновение и внимательно посмотрел на Игоря:

— Вот только ты не подходишь,— кивнул он.— У тебя должны быть черные длинные волосы, брови, срастающиеся на переносице, и родинка на щеке. Так в хадисах говорится. И возраст — Махди признают только тогда, когда ему будет уже восемьдесят шесть лет. А еще известно, что отцом Махди будет человек по имени Абдуллах из рода Пророка, альхам дулилля иррабиля аль аминь. А ты — кто? Ты — Игорь, орыс. Да и не мусульманин ты. Верно? Православный?

— Да я ни то ни сё,— промямлил Игорь, вдруг устыдившись.

— Ладно, это не важно. Все мы язычники. Один Бог триедин, а все равно народ молится кому захочет. Вот, к примеру, у нас в соседнем поселке церковь. Сама маленькая, зато внутри все в иконах. Я своими глазами видел, мы дружим с Володей, отцом Владимиром, который там всем заведует. Икон сто, наверное. Святой такой-то, мученик такой-то, покровительница такая-то. И у каждой иконы — свечки. Горящие свечки. Значит, ходит народ. У этого денег попросит, у другого мужской силы, у третьего — защиты от дьявола. И наши, в общем, такие же, мусульмане. Правда, икон в мечети нет. Зато могилы святых встречаются. Тут

Укуш-ата лежит, здесь Ыргызбай, там Арыстанбаб. И к ним-то уж дорога протоптана. А сколько у нас суеверий!

И чем это отличается от Индии, например? Да ничем. Кто-то Кришне молится, кто-то Шиве, кто-то Ганешу. У каждого свои свойства, своя ответственность. Только в Индии их богами называют, а у нас и у вас — святыми. А суть-то не меняется. Какая разница — многобожие или культ святых?

— Я чего-то не понимаю,— сказал Игорь: — А Махди-то, это кто, вообще? И при чем тут я?

— Давай-ка на «ты», а? Не люблю когда меня на «вы» называют. Бог един и я един, и каждый человек един. Единственный на всем свете. Я ж по образу и подобию божьему сделан. И ты тоже, верно? А насчет Махди — не бери в голову. Если коротко, то Махди — это новый пророк. Есть такое предсказание, что перед концом света он придет на Землю, чтобы дать последнее сражение с Даджалем, дьяволом. Это как Майтрея у буддистов, Калки у индуистов, Саошьянт у зороастрийцев. В общем, Мессия. Стало понятней?

— Не очень,— признался Игорь.

Кудайберген рассмеялся и снова хлопнул себя по коленям:

— Ладно, брат, извини, но меня дела ждут. Уже зухр[1] скоро. Заходи еще как-нибудь, рад буду поговорить. Дорогу обратно сам найдешь?

Едва Игорь вышел из мечети, как из минарета понеслось:

Аллааа
ху
ак
бар
Алла
Ху
Ак
бар
Ашха
ду алля
иляха
илляллах
Ашха
ду анна
мухаммадар
расулюллах...

Дождь уже прошел, но дороги зевали широкими лужами. Игорь, подумав, разулся и пошел босиком. Вода была теплой, а вот земля на удивление холодной.

От прикосновения к земле стало спокойней. Сначала Игорю казалось, что все его мысли, все беспокойство стекает через ноги в землю, впитывается в песок вместе с водой, а потом он понял — нет, наоборот всё. Беспокойство было от пустоты внутри. Как язык внутри колокола заденет металл всего лишь раз, а звук еще долго гуляет, отражаясь от стен. Но теперь земля медленно заполняла тело Игоря. Глушила вибрацию. Поглощала все звуки, все мысли, все слова. И спокойно становилось именно от этой глухоты.

Дорогу Игорю перебежала кошка. Темная, но не разобрать — черная ли? Вроде были полоски. На всякий случай Игорь остановился, однако на дороге никого не было, кто мог бы перейти магическую черту первым. Земля начала вываливаться из него, как вываливается из жестяной формы песчаная фигурка человечка. Подумав, Игорь сплюнул трижды через левое плечо и черту перешел.

---

[1] Зухр — второй намаз.

Земля по-прежнему приятно холодила ступни, но уже не проникала внутрь. Дорога впереди раздваивалась, как змеиный язык. Подходя к развилке, Игорь пытался вспомнить, куда сворачивать, но так и не решил, встал на перекрестке, завертел головой. Слева — мокрая проселочная дорога, обочины, заросшие полынью и коноплей, покосившиеся дома. Справа — мокрая проселочная дорога, обочины, заросшие полынью и коноплей, покосившиеся дома.

«Если всё одинаково, то не всё ли равно, куда идти?» — подумал Игорь и пошел налево. Он вдруг понял, что давно не видел людей. Почти все дома стояли заброшенные. Но даже те, которые казались жилыми, пустовали. Хозяева могут сидеть дома и подсматривать за ним из окон. Он глянул в ближайшее окошко и впрямь увидел на мгновенье чье-то лицо, глаза, но человек сразу от окна отпрянул, так быстро, что Игорь даже засомневался — не показалось ли?

Он пошел дальше, свернул в проулок между домами, потом в другой, оказался перед забором из плохо натянутой сетки-рабицы, нашел в сетке дыру, пролез в нее, ободрав мизинец, прошелся по заросшему сорняками огороду до калитки и вышел

на большую дорогу. Здесь дорога снова раздваивалась.

Издалека к перекрестку приближалась машина, разбрызгивала грязь. Игорь отошел, чтобы не испачкаться. Это была старенькая исцарапанная «Делика». На перекрестке она резко свернула налево, и из окон на Игоря недобро глянули бородатые парни. Почему-то Игорю показалось, что в руках они держали винтовки.

* * *

У ворот дома стояла Бану, а с ней какие-то незнакомые Игорю женщины. Увидев Игоря, они замахали руками, мол, иди сюда.

— Сегодня из дома лучше не выходите,— сказала Бану.

Да, да, да, загалдели женщины, не выходите, нельзя, ой-бай, как же так, что ж делать-то теперь? А если машина есть, то лучше уезжайте. Чего? Ой, да какой там! Мы здесь родились, здесь и помрем, нам ехать некуда. Все, что есть — здесь. А ты, сынок, езжай. Или спрячься вон в сарае. Не знаешь, что ли? Вроде городской, а радио не слушаешь, надо же. В городе беда, вооруженное нападение было, несколько человек убили, ой, Аллах. Да известно кто, вон, приехали. А по радио всё — террористы, террористы. Да какие они террористы, просто разбойники. Я ведь Чингиску вот таким помню. Всё прибегал ко мне раньше. Сядет и смотрит. Я своими делами занимаюсь — там, мясо делаю, тесто, а он смотрит. Глаза внимательные. Думала, умным вырастет, а он вона чё, оказывается. Чингиска, не Чингиска, а бандиты есть бандиты. Опять сожрут все, заберут и уедут. Э, болды, чё наговариваешь? Басеке![1] Ты что ли умная самая? Да бывало уже такое, и не такое бывало. Мы-то привычные, а ты, сынок, уезжай от греха подальше. И не спрашивай даже, не спрашивай! Тебе-то зачем? Ну, у кого же еще, у Дулата, конечно. Только ты туда не ходи. Понял? Не ходи. Я сама видела. И я, и я видела. Чё ты там видела, ты ж слепая? А ты тупая. Э-э, щас отхватишь тут же, поняла? Ой, да как будто я тебя боюсь! Пошла ты! Ах ты, сучка... Э, токта! Хватит! Вы чего тут курятник развели? Чё вы там видели? Да ничё! Как ничё? Давай, рассказывай, раз начала. Ну, это, у них там ружья. И еще гранаты, кажется. Они когда возле дома Дулата парковались, я видела — в багажнике. Ой, Аллах, да у кого сейчас ружья нет? Даже у Кудайбергена, хотя им и не положено. Но у них-то много. Зачем привезли? Чё-то страшновато. Ничё, Дулат с Чингисом разберется. Не чужие люди. А ты, сынок, не ходи туда. Не ходи от греха подальше.

[1] Гляди-ка! (*каз.*).

* * *

Но Игорь не мог не пойти.

Он неловко скрипнул калиткой, и все обернулись. Четверо крепких ребят за столом рядом с Дулатом, двое с ружьями у ворот. Один из вооруженных — молодой парень с забинтованной головой — сунул ствол почти ему в лицо.

— Тихо, тихо, Исмаил,— приказал крепкий седой мужчина, внимательно оглядывая Игоря.— Дулат, знаешь его?

Дулат сидел в привычной позе, выставив пузо наружу.

— Это Игорь, орыс,— прохрипел он.— Ничё он вам не сделает, пусть идет.

— Кто ж гостей прогоняет с порога? Игорь, заходи,— махнул рукой седой.—

Да заходи, не бойся. Исмаил, опусти ружье. Санжар, уступи-ка место гостю, а сам иди, спроси апай, когда она кормить нас будет. Времени мало.

Тощий взлохмаченный дядька недовольно поднялся с места, злобно глянул на Игоря, сплюнул и пошел в дом.

— Ты же городской, да? — спросил седой.— Что в ауле потерял?

Игорь уже пожалел, что пришел. По дороге сюда его наполняла какая-то непривычная беззаботная храбрость, веселое отчаяние, а сейчас вдруг сразу навалились тоска и уныние. Он подошел к столу, опасливо озираясь, и сел рядом с Дулатом. Ссутулился. Перед глазами замелькали сцены из детства. Гога и банда. Те же интонации, тот же взгляд. И всегда одно и то же. Если попался, если не убежал вовремя, то будут бить. Унижать, бить, забирать деньги, забирать все. Казалось бы, так давно это было, почти забылось, но сейчас всплыло мгновенно.

— Я по делам здесь,— сказал Игорь, стараясь глядеть седому не в глаза, а в переносицу.— А вы-то что здесь делаете? Вы ж тоже не местные?

Седой засмеялся.

— Дерзкий ты! Ладно, пытать не буду. Я — Чингис. И мы,— он весело глянул на Дулата и хлопнул того по пузу.— Мы с этим толстяком давние товарищи, можно сказать, братья. Отец у нас один, а матери разные. Понимаешь? Вот глянь на нас — похожи?

Они были разные абсолютно. Чингис — крепкий, подтянутый, с благородной сединой, и весь какой-то нервный, как натянутая струна. И глаза у него были яркие, искрящиеся. А Дулат расплывался на стуле облаком, бесформенным тестом, почесывал свою многодневную щетину, кашлял да каркал. И было у них что-то общее только во взгляде — слегка расфокусированном, направленном не на собеседника, а будто бы сквозь него.

Чингис, не дождавшись ответа, усмехнулся и вдруг, словно кошка, заметившая краем глаза покатившийся клубок, дернулся в сторону и закричал:

— Эй, эй, а это кто там у нас? Эй, хозяйка, да не бойся, покажи. Дочка? — обернулся он к Дулату.— Что, правда дочка твоя? Это как же ты сумел?

Он захохотал, а вместе с ним и его дружки. Дина, едва выглянувшая из-за занавески, тут же спряталась в глубине дома.

— Пусть она еду нам носит,— сказал Чингис и шутливо ткнул Дулата в плечо.— Да не бзди, ничё с ней не будет.

— Тронешь дочь мою, никогда больше мужчиной не будешь,— сказал Дулат.— Ты меня знаешь.

— Знаю,— кивнул Чингис.— Лучше всех тебя знаю. Потому и понять не могу, зачем ты сюда этого русского притащил?

— Я сам приехал,— робко сказал Игорь.

— Ага, как же, сам! — засмеялся Чингис.— И давно ты здесь?

— Не знаю... Дней пять.

— И никак уехать не можешь, да? И не уедешь, пока Дулат не захочет. Он тут всем заведует. Захочет — и река в другую сторону потечет. Помнишь мою рогатку? — он снова хлопнул Дулата по плечу.— Я ведь ее целый месяц мастерил. Сам знаешь, в детстве месяц — это целая жизнь. Первое мое оружие. Бутылку расшибал вдребезги с пятидесяти метров. А ни одной птицы подстрелить так и не смог. Навожу, стреляю, а птицу словно передвигают на другую ветку, и камень мимо летит. Это он все подстраивал. Дулат. Жалел птичек.

— Ты сам их жалел, потому и промахивался,— сказал Дулат.

Чингис ухмыльнулся:

— Так зачем тебе здесь этот орыс... как его?..

— Махди,— просто сказал Дулат.

Вдалеке протяжно промычала корова. И еще раз. Мммуууа. Мммуууа.

Хди-хди-хди — затараторила с дерева уже знакомая Игорю птица.

Чингис оцепенел на мгновение, а потом откинулся назад и расхохотался.

— Этот? Махди? — он ткнул пальцем в сторону Игоря.— Спаситель? Пророк? Да не поверю никогда!

— Не верь, дело твое. Может, просто не для тебя он сюда пришел, а для меня.

— Для тебя? — Чингис перестал смеяться и наклонился к Дулату.— Ты всегда прав был, Дулат, но в этот раз ты ошибся. Не он твой спаситель и избавитель, а я.

Чингис вытащил из кармана короткий пистолет и положил его на стол.

— Думаешь, зачем я к тебе приехал?

— Я знаю, зачем,— кивнул Дулат.— Я давно готов.

— Да ты задолбал уже!!! — заорал вдруг Чингис, вскакивая с места.— «Я всё знаю, я ко всему готов»! — он кривлялся, передразнивая Дулата.— Ни хера ты не знаешь, понял? Экстрасенс, тля. С тобой не-ин-те-ре-сно, понял? Ты, тля, все портишь! Все, тля, наперед знаешь! Да только ни хера ты не знал, что я тебя убивать приеду. Понял? А если я возьму и не убью — что тогда? Вот он я, а вот здесь пуля. И я — я сам, один только я решаю, пустить тебе ее в твой сраный лоб или нет. А ты ни хера, ни хера не знаешь, как я поступлю!

— Ты меня убьешь,— спокойно сказал Дулат.

— Да? А вот хер тебе! Понял?

— Точно убьешь,— сказал Дулат.

— Сука, не провоцируй меня! — Чингис вскочил, скалясь и дрожа от злости.— Нет! Я сейчас понял. Да, я все понял. Ты врешь, да? Хочешь, чтобы я тебя не грохнул. Дрожишь от страха, да? Обсираешься и врешь. Думаешь, что я поверю и назло тебе убивать тебя не стану. Ну нет! — Чингис схватил пистолет.— Нет, я тебе, сука, не верю.

Он упер ствол Дулату в лоб. Все замерли в ожидании выстрела. Дулат глядел не на Чингиса, а куда-то вверх, в небо. В небе высоко-высоко летели птицы, выстроившись в два параллельных клина.

— Ну где, где наша жратва? — заорал Чингис.— Эй, хозяйка! Тащи бешбармак.

А потом наклонился к Дулату и тихо сказал:

— До конца дня жить будешь.

Роза вынесла блюдо с бешбармаком.

— Э, я же сказал, пусть дочка твоя нас обслуживает. Где она?

— Она в доме,— сказала твердо Роза.

— Так веди сюда!

— Чингис, да оставь ты ее, давай поедим лучше,— тихо сказал один из бандитов, который все это время сидел за столом, пряча лицо в надвинутом до предела капюшоне. Он лишь слегка приподнял голову, но этого хватило, чтобы заметить его рыжую бороду.

— Э, Рыжик, ты чё, страх потерял? Чё ты вякаешь там?

— Ладно-ладно, э! — сказал примиряюще рыжий, спрятавшись обратно в капюшон.— Есть просто хочется.

— Как ее зовут? — Чингис пристально смотрел на Розу.— Как ее зовут?! Блядь, я сейчас кого-нибудь грохну. Вот его, например,— он ткнул стволом в Игоря.— Мне он на хер не сдался. Как ее зовут?

— Дина,— прошептала Роза.

— Дина! — заорал Чингис.— Иди к нам, солнышко!

На пороге показалась Дина с лепешками и тарелкой салата в руках. Она молча, не глядя ни на кого, подошла к столу, поставила все перед Чингисом, и развернулась, чтобы уйти.

— Погоди-ка, красавица,— Чингис схватил ее за руку и повернул к себе.— Дай-ка я на тебя погляжу.

Он приподнял ей подбородок, но глаза Дина не подняла. Чингис оглядел ее с ног до головы.

— Клянусь Аллахом, Дулат, она на тебя почти не похожа! Разве что только кривыми ногами! — он захохотал.— Эй-эй, красавица, не обижайся! Что, неправ я что ли? Видишь, мне трудно разглядеть, юбка у тебя слишком длинная. Давай ребятам моим ножки твои покажем, пусть они и рассудят — я прав или ты. Давай? Аккуратно, торопиться не будем...

Он схватился за юбку и стал собирать ее в руку, задирая все выше и выше.

— Чингис, ты забыл что ли, что я тебе сказал? — произнес медленно Дулат. Голос его вдруг стал чистым и низким. Игорь увидел, как лицо у него побледнело.

— Да я ведь ничего не делаю, Дулатик,— Чингис продолжал поднимать юбку.— Дай нам поразвлекаться, не будь занудой.

Дулат закряхтел и медленно встал с места. Налетевший порыв ветра хлопнул скатертью, дзынькнула упавшая на землю ложка, опрокинулась пиалка с солью.

«Плохая примета»,— подумал Игорь.

Чингис толкнул Дину к рыжему.

— Давай, первым у нее будешь,— крикнул он.— Видишь, Дулат? Я сам ничего с твоей Диной не сделаю. Я свои обещания держу. В отличие от тебя.

— Я ничего тебе не должен,— прохрипел Дулат, тяжело опираясь на стол.

— Да? Не должен? Если б не ты, я бы сейчас генералом был. Какого ты тогда влез, а?

— Сам знаешь. Я твои кости в пустыне видел. И если б ты хотел по-настоящему, то все равно бы поехал. Но ты не поехал.

— Рыжий, ты чего сидишь? Иди, развлекайся.

Дина дрожала всем телом, но оставалась на месте.

— Э, Чингис, видишь, у рыжего не стоит на нее, давай я пойду,— вызвался молоденький, который сторожил у ворот.

Дверь дома скрипнула и на порог вышла Алуа.

— Ээй, ребята, зачем вам девчонка? — Алуа говорила спокойно и насмешливо, оглядывая бандитов, словно это были неразумные нашкодившие дети.— Она же и не умеет ничего. Хотите расслабиться — какой вопрос? У меня у самой уже несколько лет мужика не было, истосковалась.

Рыжий вздрогнул и глубже спрятался в свой капюшон.

— И то верно,— сказал он, не поднимая глаз.— Оставь девчонку в покое, Чингис.

— Э, а я! — воскликнул молоденький.— Две бабы — лучше одной. Ты к этой иди, а я с девчонкой разберусь.

— Это чё за базар!? — закричал Чингис.— Мне вообще похер, сами решайте!

Игорь понял, что должен что-то сделать. Схватить со стола нож? А толку? Драться он не очень-то умеет. Да и что им нож, когда у них стволы. Сказать что-

нибудь? Но что? Игорь встретился взглядом с Дулатом и вдруг, неожиданно для самого себя, встал. Все обернулись к нему. Игорь подошел к Дине и поцеловал ее в лоб. А потом взял за руку и повел к воротам. Ему казалось, что ноги его почти не касаются земли. Он имитировал шаги, но не чувствовал тяжести своего тела. И так же легко рядом с ним летела Дина.

Перед тем как открыть калитку, он обернулся и сказал:

— Я увожу ее отсюда.

Они вышли на улицу, аккуратно прикрыли калитку, а потом за их спинами что-то оглушительно грохнуло. Игорь увидел, как из забора вылетела медленная пуля, прожужжала, будто сонная муха, мимо его груди. Игорь хотел протянуть руку и поймать ее, но передумал. Калитка вновь распахнулась, на дорогу выскочил Чингис с ребятами. Чингис разевал рот, как только что выловленный окунь, вертел дико глазами, но Игоря с Диной почему-то не замечал.

За оградой дома напротив взвыл пес, бросаясь всем телом на доски забора, и выл, и лаял отчаянно, захлебываясь, так, словно увидел призрака. Кто-то из ребят Чингиса выстрелил в него, и пес, булькнув, затих.

* * *

— Все мы люди,— говорил Кудайберген.— А вера для человека — дело трудное. Это ведь по определению штука бездоказательная. Молись, сколько хочешь, а результат тебе все равно не гарантирован.

Игорь слушал вполуха — старался сосредоточиться, но ничего не получалось. То, что произошло в доме у Дулата, сейчас казалось странным ночным кошмаром.

Он отчего-то совершенно не помнил, как они с Диной добрались до мечети. Кудайберген отвел ее в заднюю комнату, где можно было поспать или хотя бы полежать и прийти в себя, а с Игорем они расположились попить чаю в маленьком саду. Они сидели за вышарканным белым пластиковым столом, к ножкам которого для устойчивости были привязаны крупные булыжники.

— Да,— продолжал Кудайберген, звонко помешивая сахар в пиалке.— Но религия основана не на вере, а на знании. Некоторые думают, что знание это искажено и потому неверно. А на деле, оно просто хорошо зашифровано. И те, кто ключи к шифру имеют, не торопятся давать их остальным. Пусть просто верят или не верят. Понимаешь, о чем я? Вот, почему, например, у христиан служители ходят в шапках, а прихожанам шапки нужно снимать? Как же правильно в гости в Божий дом ходить — в шапке или без? Понимаешь, да? Или, вот, почему везде женщин пускают в храм только в платке? У нас тоже ритуалов и правил много, не без этого. Только мы делим — есть шариат и тарикат. Тарикат — это путь, а шариат — правила, ритуалы. Хорошие, мудрые правила, цель которых — чистота тела и порядок в мыслях. Вот только, знаешь, я встречал много, очень много людей, которые оразу держат, намаз пять раз в день читают... Прямо-таки праведники! А сами потом, после намаза, воруют, грабят, обманывают. И вот получается, что форму они повторяют, а каких-то самых важных ключей не имеют, чтоб за формой этой раскрыть содержание. Ключи-то есть, только их не всем дают, понимаешь? Там они где-то, в Мекке, в Ватикане, в Иерусалиме... Ну а я сам свой ключ нашел. Аллах, конечно, рассудит, но по мне так ключ — это совесть. Совесть — это что? Это Создателя весть. Со-весть. Понимаешь? То есть, по мне так важнее тарикату следовать, на пути своем к совести прислушиваться, к сердцу и разуму, меру соблюдать во всем, любовь искать в сердце ко всем, кто тебя окружает — вот это и есть ключ, и больше никакие другие ключи не нужны. Все, что надо, само откроется, когда время придет.

— Слушай, Кудайберген, он ведь там всех поубивал, наверное,— вымученно сказал Игорь.— А я здесь сижу, чай пью.

— Вот! — закричал Кудайберген.— Вот это и есть совесть! Но ты не переживай. Дулат ведь все наперед знает. Думаю, что он подготовился.

— Не знаю, не знаю,— покачал головой Игорь. От чая его бросило в пот, а потом сразу начало знобить.— Знаешь, я, кажется, совсем разболелся. Как только сюда приехал, так у меня то живот крутит, то температура поднимается, то дышать становится трудно.

— Это нормально, дорогой! — улыбнулся Кудайберген,— Нет человека, который бы не был подвержен болезням. Все болеют — и святые, и преступники, и богачи, и нищие. Ты слишком сильно заботишься о своей болезни. Заботься лучше о себе.

— Заботься лучше о себе,— медленно повторил Игорь.— У меня ощущение, что кто-то мне уже это говорил. Может быть, Махмудик? Ты знаешь, я тогда у Махмудика так много всего понял. И все забыл.

— Ты не забыл,— Кудайберген встал и принялся убирать посуду со стола.— Оно все у тебя внутри. Самые важные знания, они ведь приходят в тумане, как ученые говорят — в невербальной форме, и всегда трудно подобрать нужные слова, в которые это знание можно облечь. Это как перевод поэзии на другой язык. Как ни старайся, а что-нибудь потеряешь или что-нибудь приврешь. Но иногда только высказав узнанное можно его осознать. Пойдем внутрь. Скоро время истечет.

— Время? — переспросил Игорь.— Время чего?

— Дулат говорил, что тебя нужно ровно на два часа задержать, а потом всё.

— Откуда Дулат знал, что я...— удивленно воскликнул Игорь и тут же осекся: — Впрочем... А что — всё?

— Всё, свободен! — засмеялся Кудайберген.— Иди к Дине. Домой ее нужно вести.

* * *

Роза плакала, сидя на скамейке у ворот. Дулата нигде не было видно. Дина кинулась к маме, обняла. Роза изо всех сил прижала к себе Дину так, что со стороны казалось — еще чуть-чуть и сломает, подняла заплаканные глаза:

— Счастье-то какое! — всхлипнула она.— Живы все. Все живы.

— Что здесь произошло, Роза? — Игорь почувствовал себя неудобно, возвышаясь над ними, и присел на корточки.

— Этот рыжий,— Роза улыбнулась, всхлипнула и покачала головой.— Я ведь и не узнала сразу. Аманбек ведь это был. Конечно, бороду отрастил, в капюшон спрятался. Понимал, что узнаем, стыдился, наверное.

— Аманбек...— наморщил лоб Игорь, пытаясь вспомнить: — Это же... пропавший муж Алуы, что ли?

— Ага, он. Как вы с Диной исчезли, Чингис вообще разъярился. А Аманбек все его успокаивал. Только без толку. Я уж думала, что все, конец нам. Молиться начала тихонько, просить, чтобы Аллах Махмудика пощадил. Я ведь его в доме заперла, в кладовке. Предчувствовала, что добром все это не кончится.

Дина промычала что-то, прячась у мамы подмышкой, и Роза погладила ее по волосам:

— Хотела в дом пойти, так один из этих меня схватил — куда, говорит, а ну сядь. Хорошо, не ударил. Я и села. А Чингис Дулату пистолет к голове приставил и говорит, вставай, мол, на колени. У Дулата ведь ноги слабые, он сидит-то кое-как, а тут — на колени. О-ой,— она шмыгнула забитым носом и тяжело выдохнула через рот.— В общем, Дулат только плечами пожал, а Чингис как пнет стул по ножке, стул сломался, а Дулат с размаху на землю плюхнулся. Я в слезы, а Алуа с крыльца соскочила и — никто и дернуться не успел — к Чингису подлетела и как даст ему в нос. Ал-ла, она ему, наверное, нос вообще сломала. Барана режем, и то столько крови нет. Я думала, он захлебнется. Ох, и смех, и грех. Чингис захрипел, Алуу за волосы схватил и рядом с Дулатом на землю швырнул. Уже руку с пистолетом поднял, а кровь-то течет, дышать ему трудно. Он голову назад запрокинул, начал носом швыркать, тут в него Аманбек и пальнул. Сразу насмерть. Остальные перепугались, что делать не знают. А Аманбек капюшон снял — простите, говорит,

Роза-апай, и вы Дулат-ага, и ты, Алуашка, меня прости. Мы сейчас приберемся, говорит, и уедем. Давайте, говорит, ребята, чего стоите? Этого в мешок и в машину, по дороге выбросим. Командовать, в общем, начал. Ну все и послушались. Один там — длинный такой, высокий, буркнул что-то против, но взгляд Аманбека перехватил и затих сразу. Чингиса в машину унесли, двор нам подмели, нормальные такие оказались ребята.

— А Алуа? — спросил Игорь.— Она с Аманбеком уехала?

— Да куда уж там,— хмыкнула Роза.— Она даже разговаривать с ним не стала. Он как пес виноватый покрутился возле нее, покрутился, да и уехал. Дома она у себя. Придет ли сегодня, не знаю. Натерпелась тоже страху.

— Ну а Дулат где?

— Да за стулом он пошел, в доме где-то ищет. Сидеть-то ему во дворе теперь не на чем. Ох, Ал-ла, ладно, заговорилась я. Сейчас чай поставлю, хоть чаю попьем, а то ведь я и приготовить ничего не успела.

Дина ушла вместе с мамой, и тогда Игорь понял, что за все это время она так и не сказала ему ни слова.

* * *

Дулат, тяжело кряхтя, выволок стул в центр двора и тут же взгромоздился на него. Поерзал, сполз чуть ниже, вздохнул и глянул на Игоря, сидящего на скамейке:

— Салем, орыс! Қалай? Не напугался?

Не дожидаясь ответа, он хихикнул и снова заёрзал:

— Эх, стул-то паршивый. Когда приедешь Дину сватать,— стул мне привези, не забудь.

Игорь не нашелся, что ответить. Неужели и правда приедет? Невольно глянул вверх — в воздухе уже танцевали мелкие летучие мыши, крылатые невесты. Ему вдруг захотелось курить, хотя курить он бросил лет десять назад и давно уже не вспоминал про это дело.

— А что со мной произошло — тогда, во дворе? — спросил наконец он.— Я ведь сам не свой был. Как будто и не соображал, что делаю, не думал.

— Правильно,— важно кивнул Дулат,— так и должно быть. Хорошо, что Махмудик успел тебя чуть-чуть... Совсем чуть-чуть. И ты, это... лучше не думай,— он засмеялся, а потом вытянул вверх указательный палец, словно собираясь сказать что-то очень важное,— лучше не думай *вообще*. Понял?

— Нет,— честно признался Игорь.

Дулат цыкнул языком и вздохнул:

— Жарайды[1], объясню. Вот ты, ты чем думаешь?

— Ммм... мозгом,— недоуменно ответил Игорь.

— Ага. А ты видел мозг? На картинках видел? Он же весь сморщенный, будто червивый. Как гнилое яблоко. А душа-то в теле. Телу и верь. Оно в настоящем.

— Что значит, в настоящем? — не понял Игорь.

— Ну, сейчас, здесь и сейчас. Это умом ты думаешь, что машину осенью купишь, или вспоминаешь, как в школе у тебя Саня Гудок деньги отбирал...

Игорь побледнел и открыл было рот, но Дулат жестом остановил его:

— Телу верь, говорю, понял? Тело в прошлое не вернуть и в будущее не перенести. Вот оно. Всегда сейчас, всегда здесь. Его не обманешь. И оно тебя не обманет. Знаешь, есть у вас, у орысов, хорошее слово — наитие?

— Ну да, наитие... озарение,— кивнул Игорь.— Это так говорят, когда Бог, — ну или там космос — подсказывает нужную мысль.

---

[1] Ладно *(каз.)*.

— Э, орыс, кто говорит? — повысил голос Дулат.— Чё ты других слушаешь? Ты на него сам посмотри, глазами. Телом, то есть. Слово-то твоё, русское. Что видишь?

— Ну, наитие — от слова «найти», «находить», судя по всему...

— Да. Вот я и говорю тебе — находись. Существуй. Тебе он — Он! — подсказывает только тогда, когда ты существуешь, ясно? Когда ты не в облаках там где-то витаешь с мыслями своими, а находишься здесь и сейчас. Думай меньше, а делай больше. Телу своему доверяй. Вот и всё наитие.

— Так что случилось-то со мной? — спросил Игорь, начиная раздражаться.

— Наитие! — сказал Дулат и захохотал.— Случилось на-и-ти-е!

— Ну ладно,— кивнул Игорь,— ну, допустим, это наитие — то, что я вдруг решился Дину увести. А почему пули медленно летали? И почему Чингис нас не видел?

— А это уже не ко мне вопрос,— хитро прищурился Дулат,— это вот к Нему! И он ткнул пальцем в небо.

— И вообще, это не те вопросы, которые тебе задавать следует. Главный вопрос — зачем ты здесь, в мире этом. И один ответ на него ты уже получил.

Друг за другом в траве заводились сверчки, и казалось, что этот стрёкот создается самим дрожащим вокруг них воздухом.

— Чингиса не жалко? — спросил Игорь.— Он же, получается, брат ваш.

— Знаешь, в чем главная вселенская справедливость? — вздохнув, ответил Дулат.— В том, что любой проступок должен быть наказан. И в то же время любой проступок может быть прощен. Вот и всё. Таков закон и таков приговор — всегда и во всех случаях.

Из окна дома выглянул Махмудик и крикнул:

— Чай готов! Мама зовет!

— Иди, чаю попей,— сказал Дулат.— А я еще здесь посижу, воздухом подышу. Давай, орыс, сау бол[1].

* * *

Еркебулан еще вчера забрал, наконец, свою машину из ремонта и вызвался отвезти Игоря в город. Бану наготовила им в дорогу закусок. Игорь не хотел долгих проводов, поэтому предложил отправиться в путь рано утром.

Но утром у дома собралась половина аула.

— У нас вести расходятся быстро,— смеялся Еркебулан.

Люди хлопали Игоря по спине, засовывали в багажник старенькой «семерки» Еркебулана гостинцы, давали напутствия. Улыбался во все свои золотые зубы Валера, рассказывая соседям новые подробности о том, как они с Игорем толкали автобус. Заглянул Нуржан, торопливо обнял и сразу уехал на тракторе по своим делам.

Не пришли Имангалиевы, но Игорь и не ожидал их увидеть, они успели попрощаться вчера. Интервью у Махмудика он, правда, так и не взял, но в этом уже и не было необходимости. А вот Алуу ему увидеть хотелось.

— Давай заедем к ней,— попросил он Еркебулана.

— Да без проблем.

Водил Еркебулан хорошо — не дергался, не тормозил резко, все движения были выверенными и точными. В машине пахло шерстью и потом, но от этого становилось даже как-то уютно. Игорь подумал, что, наверное, здесь было бы приятно вздремнуть на заднем сиденье, укутавшись в плед, и особенно во время дождя.

— Иди, прощайся,— сказал Еркебулан, притормозив у дома Алуы.— Я тебя здесь подожду.

Игорь постучал, и дверь сразу открылась. Алуа явно только недавно проснулась. Волосы спутаны, второпях накинутая рубашка.

— Проходите, я сейчас,— попросила она и ускользнула в глубину дома.

---

[1] Будь здоров (*каз.*).

Игорь пошел на кухню — дорогу он знал, — уселся там на краешек табуретки.

На стене тикали часы. Мерно жужжал низкий широкий холодильник.

— Ну вот,— Алуа проскочила мимо него к плите, включила газ, поставила чайник. Теперь у нее была коса — длинная, тяжелая.

— Я ненадолго,— кашлянув, сказал Игорь.— Хотел до свиданья сказать. Уезжаю. Меня снаружи Еркебулан ждет.

— Что ж,— улыбнулась Алуа.— Будет время и желание — заглядывайте к нам, будем рады.

— Я тоже буду рад,— согласился Игорь.

Чайник присвистывал. Игорь крутил пальцем по шершавому узору на скатерти.

— А почему вы с Аманбеком не уехали, не поговорили даже с ним? — поднял он глаза.

— Знаете,— Алуа подошла к окну, выглянула наружу.— Он хороший человек. Но в мире должно быть равновесие. Если не будет равновесия — все смешается. Это ведь как качели. В ту сторону, которая перевешивает, съезжает и то, что находится на другой стороне. Аманбек меня подвел в прошлом. А сейчас выручил, спас. Теперь наши отношения на нуле, все уравновесилось.

— И как же вы... дальше?

— А как? Как жила все эти годы, так и буду жить,— Алуа обернулась к нему и улыбнулась.— Да вы не переживайте. Помните, что с вами тогда произошло, когда Махмудик на кобызе играл? Вот я для этого и живу. А Аманбек... Аманбек — это совсем другое.

Перед тем, как уйти, они обнялись несколько секунд стояли, замерев.

— Прощайте,— вздохнул он и вышел из дома.

Ладони у Еркебулана были жесткие, широкие, с короткими пальцами. Они крепко обхватывали руль, практически сливаясь с ним в единый сложный каркас.

— Чувствую, что в этот раз будет девочка,— поделился он с Игорем, не отрывая взгляда от дороги.— Ну и отлично. Помогать Бану будет. Два пацана и девчонка — хорошая компания. И уж я все сделаю, чтобы они в людей выросли. А в ауле или в городе — неважно. Человек везде выживет, если захочет.

Дорога была ухабистой, неровной, поэтому ехали медленно, объезжая страшные ямы. Небо заволокло серебристыми плотными облаками. Говорить ни о чем не хотелось. Еркебулан тихонько включил музыку. Игорь смотрел в окно и думал, что никогда сюда не вернется. Это казалось невозможным — вернуться. Как невозможно вернуться в детство или в сон. Степь уходила далеко-далеко, переливалась разноцветьем, и легкая тень от их машины тянулась к расплывчатому горизонту. Вдоль дороги время от времени возникали столбики любопытных сусликов, а в некоторых местах в земле появлялись дрожащие нефтяной радугой лужи — словно следы гигантских копыт. Игорь смотрел, как просыпается этот мир, и вдруг понял, что улыбается. Рот сам собой растягивался все шире и шире, и он, не выдержав, наконец, рассмеялся в голос.